

АНРИ КОЛОМОН

В ДЕБРЯХ МАГРИБА

ИЗ РОМАНА «ФРАНСУА
И МАЛЬВАЗИ»

Анри Коломон

**В дебрях Магриба. Из романа
«Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

В дебрях Магриба. Из романа «Франсуа и Мальвази» /
А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834075-8

Внезапно против воли затянуло наших героев нетихой и сицилийской глубинки против их воли в самые недра неведомого пугающего своей чуждостью мусульманского юга. Получился боевик, ведь иначе не понимали, и далее по горам — по долам, по водам и морям...

ISBN 978-5-44-834075-8

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

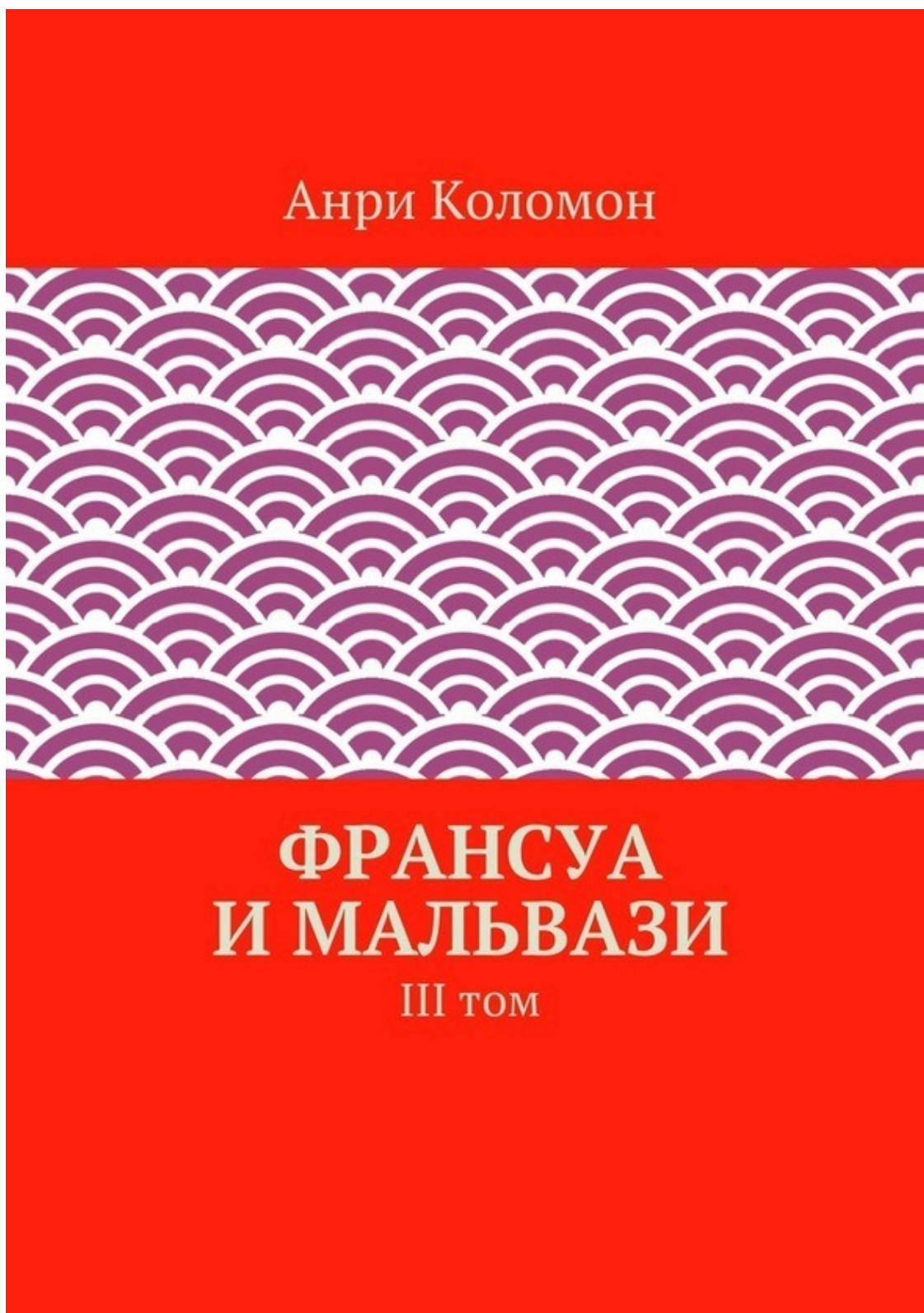
В Дебрях Магриба	8
* море по колено *	8
Галит	13
* Алжир*	17
за решеткой в темнице сырой	22
потемки	25
рандеву	27
Нирвана	29
по горам – по долам	32
нашла коса на камень	36
как женщина женщине	39
ханум	44
день и ночь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В дебрях Магриба
Из романа «Франсуа и Мальвази»
Анри Коломон

© Анри Коломон, 2016

ISBN 978-5-4483-4075-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское Наследство в начале XVIII-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

Любовь —
Зачем ты мучаешь меня?!

Сгорю ли я?!
– Сгорю ли я?!
Сгорю ли я в порыве страсти!
Иль закалят меня напасти!

И в этой пытке!
– И в этой пытке!
И в этой пытке многократной!
Рождается клинок булатный!

В Дебрях Магриба

* море по колено *

Оранжевый закат под завесой мглы все еще продолжал оставаться на поверхности гладкой равнины, по которой легкая лодочка гребца с весьма удобными веселками скользила от каждого взмаха. Ему очень нужно было торопиться и он налегал на весельные палки, очень удобно приноровленные к единственно возможной седелке в самом широком месте легкого быстроплавучего средства.

Черточка плывущего корабля была еще заметна над остатками голубого фона, но уже явственно очертилась оранжевая дорога заката, которая в очень скором времени должна была угаснуть, оставив в ночной мгле силуэт корабля, коего уже будет не найти. Поэтому сейчас нужно было сильнее налегать, что бы потом не пенять на себя в тщетных исканиях в бескрайних просторах мглы и воды.

Хотя нахождение посреди ярко освещенного места, как русла реки могло на первый взгляд показаться опасным, и даже показалось, но при последующем осмыслении оказалось, что уходящее судно находится как раз на точно такой же дороге, на которую не нужно было становиться что бы не оказаться увиденным, ради того что бы держать цель на ярком свете, чего он старался достичь поначалу. Сейчас сидя лицом обращенным на темную сторону, откуда он плыл не будучи видимым, после очередного просмотра назад: куда он греб, заметил, что обыкновенно ошибается, и эта вторичная ошибка была вдвойне непонятной, ведь ему казалось, что все продумано и что на пустом месте может быть?

Море не пустое место и не везде на нем едино. Ошибка его состояла в том, что если за ним не было полосы заката отбрасываемого от заходящего за воду светила, то и за судном точно также этого не было, и ему как раз нужно, в данной сложившейся ситуации, было выплыть так что бы держать цель как можно дольше на свету. Хоть на минуту дольше, хоть на последнем отблеске, которого могло хватить что бы не потерять. Кроме того нужно было определить курс уходящего судна, а это можно было сделать только на ярком свете, и свериться по звездам. На случай неудачи это могло бы еще долго потом помогать. А неудача могла произойти, если ночь будет темная, какой она обещает быть, и если ход судна самый полный. Но этого не могло быть, если только не течение.

Слабый оранжевый шар на глазах опускался за воду, но обещал еще несколько минут продержаться и за это время нужно было совершить из последних сил невозможное. Амэндралехо нажимал, он даже отказался от того что бы дать крюк ради определения курса, потому что очертания корабля уже начали помаленьку увеличиваться – а это верный признак приближения. Не нужно было ни ради чего не терять ни секунды. В целях нахождения удобного положения спина его стала слепо искать новые положения для размятия заендевелостей и нашла, когда он полностью на нее улегся, облокотившись шеей с головой на маленькую перекладину. Так стало гребсти во много раз лучше и легкая лодочка казалось еще быстрее понеслась по воде. Веселки, оканчивающиеся ковшиками с крутой сливной сторонкой, только цепко ухватывались за поверхность воды и почти незаметно отцеплялись. Все в этом углу на первый взгляд челноке, было ради скорости и только скорости, отчего можно было подумать не гонял ли куда частенько на ней Пакетти в Марсалу или еще куда?

Лежа он мог ориентироваться на закат. Когда же он почувствовал что закат начинает угасать, продолжая гребсти, приподнялся, что бы удобнее оглянуться. Как же приятно для души было вознаградиться вполне близким видом корабля в последних закатных лучах, считай догнанного предпоследним рывком, проведенном на едином духу.

Последний рывок оставалось сделать осторожно, не спеша, когда стемнеет, в смысле совсем даже от тех проблесков. Предстоящее отрывалось ему заманчивой неизвестностью.

Во тьме уже, он, стараясь потише гребсти веслами приближался к задней части корабля, очень рискуя попасться на глаза вахтенному с юта. С этим обошлось, или может быть его невозможно было заметить, да всю темную картину нарушали заметные белые паруса.

Амендралехо осторожно загребал под борт уже одним только левым веслом, да и то крайне заглубляя и работая им как рулевым. Другой рукой он насколько мог помогал, отталкиваясь, но больше наоборот стараясь задержаться, потому что корабль хоть медленно но плыл, а его одного весла было не совсем достаточно.

Амендралехо неясно себе представлял что ему делать под бортом дальше и как вообще быть с тем что бы удержаться надолго! Его стремление достигнуть киля приняло упорядоченность и осмысленность когда он нашел на носу лодочки подвязанную веревку с острым захватистым крючком. Утыкая крючок в борт и теперь уже помогая веслом он сноровисто стал продвигаться все далее вперед, и достигнув килевого бруса, уцепил его крючком. Все, можно было немножко передохнуть. Амендралехо улегся головой на перекладину, посмотрев на накрывавший его в лодочке брусчатый свод борта, под которым почувствовалось даже уютно. Нужно было немножко переждать пока там, на палубе, ночь окончательно всех утихомирит. Слышались голоса, по-видимому команды, подаваемые матросам, на коих не нужно было обращать внимания потому что им предстояло нести вахту всю ночь. Необходимо было только как можно ближе подходить к их виду, если они только там вообще не все черные. Что там могли быть за люди, и что это за корабль? Не монсеньорский ли Ариман? – Потом узнается, пока же Амендралехо заметил выше за головой якорную цепь, по которой очень легко можно было залезть наверх и так же легко слезть, и прямо в лодочку.

Как хорошо, что была лодка, удачно сокрытая под навесной носовой частью борта, словно по заказу подошедшая ему для невозможного дела, кое он делал возможным. Корабль не связывал по рукам и ногам все его помыслы и деяния.

Буксируемую лодочку плотно прижавшуюся к мягкой от водорослей заводненной части борта иногда подкидывало свободным краем, и одновременно с этим, как от этого, в голову думавшему Амендралехо приходили мысли одна лучше другой. Наконец он не выдержав этой муки томительного ожидания с роем раздумий резко приподнялся в сидячее положение. Он снял рубашку, конечно же несмотря на то, что было холодно, в том намерении что нужно было как можно больше соответствовать по виду, исключая прочие несоответствия. Белая рубашка как раз и делала его белым среди черных.

Но сняв ее он становился еще более белым, истинно белым по коже, а не по виду, несмотря даже на загар. На это Амендралехо сделал так – надел на грудь снятый во время гребли свой темный короткий камзол закрыв воротником на пуговицу все тело до самой шеи. Засучил рукава, что-то наподобие халата. А на голову напялил последней белизны ту самую рубашку, став накручивать ее в тюрбан. Несмотря на некоторые навыки в этом, из рубашки у него получилось накрутить только на простенькую чалму, а оставшиеся висеть части сунул за шею под воротник, что-то наподобие арабского платка, если конечно он, будучи белым — не преступление, черт его знает, но бело-крахмального оттенка видеть ему не доводилось, а это могло оказаться важным.

Ну, а что касается лица, то оно и так должно быть черным, от пережитой беды, да и где такое у негров могло быть возможно что бы без белых, хотя бы арабов.

Он был готов и стал присматриваться как бы ему поудобнее добраться до цели, которая лишь на первый взгляд была совсем рядом, но нужно было за ней сильно наклоняться, чтобы дотянуться, не имея ничего за что бы можно удержаться рукой. Но подтянув лодку за веревку ближе к килевому, брусу вяло разрезавшему воду, он встал и взялся за звено цепи. Якорная цепь держалась основательно. С трудом, а не легко, как он предполагал, подтянувшись до цеп-

ного вырезка в борту он взглянул в него, может быть выдавая себя белой чалмой которая наверное выглядывала поверх борта. Никого не было видно и Амендралехо принялся залазить на кормовую палубу, которая благо не была открытой и на ней черт ногу мог сломить от множества канатов. Залезая, он подумал что ему первым делом нужно залезть к коку и подкормиться, что бы и силы вернулись и голова поуменела, и из кухни уже начать свой вояж, предварительно запасаясь кормом в обратный путь... вообще что называется обнаглев от шустрой смелости первых успехов. Эх, если бы он состоялся, как бы это было прекрасно вернуть ее почти сразу же! Но кто знает чем кончится его вылазка и найдет ли он здесь хотя бы кухню?

Потихоньку пробираясь около борта, Амендралехо внимательно глядывался во все окружающее. Ничего особенного он пока не замечал и даже не видел никого из матросов, словно на корабле все вымерли и это ему попалося судно-призрак. Нужно было идти в трюмы. Все спали и даже команда может быть за исключением единиц рулевого и вахтенного. Возникшую мысль воспользоваться этим обстоятельством и привести корабль обратно, да не куда-нибудь, а прямо в порт, он тут же с недовольством откинул и еще раз твердо решил насытиться чтобы впредь в голову не приходило столь дурных мыслей.

Нужно было идти в трюмы и каюты, она должна была быть где-то там. Амендралехо так потянуло к ней, что твердое решение если не забылось, то осталось только ввиду. Осталось ввиду и заглянуть в люк, который был открыт, темен, и обещал быть тем чем нужно, хотя... мог быть и пороховым складом.

Он чувствовал что начинает съезжать, то есть действовать не по стержню, оставляя неосмотренными тылы, отдаваясь необузданному желанию «скорей»...

На той стороне корабля было кажется как раз то что Амендралехо предполагал. Он спрятавшись за перегородкой и стал наблюдать. Самая задняя часть корабля была высоко приподнята так, что ютовая палуба оказалась крышей богатых кают, украшенных и охраняемых двумя черными стражниками у дверей. Там она и должна была быть, там она только и могла быть и нигде иначе. Конечно он мог проникнуть вовнутрь, например дождавшись когда один из стражников сходит помочиться, но нужно было прежде чем что-либо делать всегда осмотреться. Это истина давно замеченная подошла и к данному положению вещей. Восходила луна и своим светом возможно давала возможность заглянуть в окна. А в окна он заглядывать собрался сверху вниз с ближайшей реи.

Через несколько минут это произошло. Стоя ногами на веревочной лестнице и держась руками за рею, нижнюю – толстую как порядочное бревно он осторожно выглядывал из-за паруса. Белый свет через окна давал в левом из них видение некоего подобия железного ящика и сидящего прислоненным спиной и головой к дверце какого-то человека. Что это было сначала, он не мог себе даже и представить. Потом лишь ему в голову пришла идея, конечно же если хочешь провезти на пиратском корабле женщину в сохранности, то ее нужно держать в ящике с охраной. И ящик был следовательно надежно закрыт и сам надежен. Сбить замок возможно не имело места быть. Но если там был замок который можно было сбить, то это было вполне перспективно: подплыть и прицепить лодку сзади, далее совершить налет, достаточно небольшого увесистого предмета. До этого конечно пробить днище фелукам. Если не получится с замком взять железный ящик целиком с ней – эту мысль он отверг с ужасным разъедающим чувством опасности перед пожирающей все тяжелое пучиной. Но опустить этот ящик в приспущенную фелуку уже было неопасно. Нужно было обязательно осмотреть фелуки и решить вопрос с ними.

А для этого обязательно поесть и набрать провианта в обратный путь, потому что его покидали силы после такого сильного нервного потрясения.

Множество мыслей и мелких идей приходило ему в голову, вплоть до того что бы взорвать пороховницу, если она была или устроить пожар, воспользовавшись всеобщей сумато-

хой, главное он решил себе ни с чем не торопиться, время так все существенно меняет и может днем ее уже выпустят погулять, да и вообще освободят.

Кроме того, не нужно было бездействовать ни мыслью, ни действием, ведь вполне могло оказаться так что он ошибается с ящиком. А она тогда находится... во глубине кают?

Амендралехо слез на палубный пол и, пройдясь по правому борту, набрел на обе лодки больших размеров и под парусами. Хоть одной из них нужно было прямо сейчас же продырявить днище, за не имением чем прибег к простейшему средству поражения обезвеслил большую в пользу висевшей поменьше, очень удобной для спуска. Очень не скоро, но хоть с этим он покончил.

Что бы хоть как-то по делу затратить последующее время он пошел бродить по кораблю и через оставленный неосмотренным люк попал в самые трюмы. В том хаосе навряд ли нужно было что-то искать и можно было что-то искать без всякого света.

За все то время что он ходил, он утвердился в одном намерении, которое было более всего приближено к реалиям сложившейся ситуации и его возможностям. Что засунуть в рукав так чтобы это выглядело незаметно он нашел на мотке каната. После Амендралехо пошел прямо на стражников, которые чуть завидев его приняли в оборонительное положение свои секиры на длинных древках, закрыв таким образом проход в двери и доступ к себе. Не помогло и успокаивающее опускание руки. Единственное какую пользу принес его подход: это более менее освобожденное место, от себя стражником стоявшим рядом с окном, а теперь вставшие у дверей. Воспользовавшись этим Амендралехо заглянул в окно, вовнутрь маленькой комнатки, где прислонившись спиной к дверце ящика с неизвестно каким замком спал прикованный цепью к руке молодой худошавый бербер. Чтобы как-то оправдать свое внимание он постучал по деревянной перекладине, разбудив спящего и указав ему подняться. Тот виновато встал на вытяжку, подхватив с собой свою саблю.

Замка не было видно, но были видны прорезы для воздуха, что указывало на то, что там не добро, а пленница... Однако ему шкурой почувствовалось, что нужно бы поскорее уходить отсюда. Двое стражников совсем рядом, не хотели его принимать за того, кого он из себя строил. Естественно из ранее задуманного по возможности напасть на них не осталось ни малейшего желанья: с этим не соглашалось все его нутро. Наоборот нужно еще было так достойно уйти чтобы на самого него не напали или не задержали.

Амендралехо показалось, что он как раз ушел именно так достойно, не вызвав лишних подозрений, но, минуто спустя, услышал далеко позади себя перебежки и голоса. Он наклонился, сорвав с головы белую рубашку, и побежал к носу. Там он, не теряя на лишнее время, сиганул за борт и повиснув держась за цепь стал нащупывать ногами веревку... Он с ужасом глянул вниз хоть и было это ему трудно – не сорвалась ли его лодочка?! Она держалась на том же месте.

Скрывшись в ней, ему осталось только прислушиваться, что происходит наверху? Вроде его потеряли в трюмах, куда подумали что он скрылся. Сейчас бы, кстати, можно было попытаться проникнуть на ют и в каюту пока его ищут в трюме, но ему ничего кроме спать больше не хотелось. Если будут скидывать якорь его не убьют. Он преспокойно улегся на боку, притулив голову к жердочке, хоть немножко вздремнуть.

Пробуждение на ярком свету произошло с ощущением что над душой его кто-то стоит, и не стоит даже, а стоят. Он поднял голову переводя взгляд от борта, отбрасывавшего все же какую-никакую тень.

На верху сильно перевесившись через край борта свешивались головы зрящих.

Амендралехо, спохватившись собрался отчаливать от сего пристанища, но сзади увидел на длинной фелуке к нему уже подплывали. Можно было попенять на себя за проявленную ночью слабость, если бы было по большому счету за что пенять, кроме эфемерного удачного вызволения и отплытия с Мальвази с тем, что бы затеряться в темных просторах.

Оставалось только все то, что оставалось: попасть на корабль в качестве пленника и там уже смотреть что делать дальше, может даже смотреть из прорезей другого такого же ящика.

Арабы, наполовину с чернокожими берберами, подплывающие ближе, недоуменно глядя на него, стали указывать переходить со своей лодки к ним. Сейчас им нужно преподать от себя нечто такое, чтобы уверенней поставить себя перед ними, не то замордуют, только дай волю. И Амендралехо поставил... свою ногу на борт, так что она заметно покачнулась, приведя в неустойчивое положение людей в фелуке. Перекидывая вторую ногу уже вовнутрь, он второй раз настолько сильно качнул фелуку, что в ней не то что чуть не попадали, но и чуть из нее не повыпадавали, отчего его сразу как только это стало возможно ухватили за рукав. Это злобно сделал по-видимому даже один из тех стражников что с секирами защищали от него этой ночью проход в двери.

Амендралехо недовольно взглянув на вцепившуюся руку, сбил ее от себя легким с виду, но сделавшим свое сбивом, затем пренебрежительно отряхнул, то место. Не успела подтюрбанная морда предпринять что-либо еще, как Амендралехо, опережая события, энергично зажестикулировал руками стоявши с веслами – Давай ему гребни! Те как придя в себя и еще заметив что сверху на них смотрит суровое лицо... спохватившись, стали отгребать, но и тут же прекратили, так как открыли бортовую калитку. Из нее стали подавать трап с веревочными перилами, за которые Амендралехо ухватился первым, оттолкнув стражников и первым взбежал, не преминув за собой так незаметно, словно закрывал калитку перевернуть на бок трап, с которого попадали прямо в воду.

Суровое лицо сурового человека несколько не просветлело и наоборот даже еще более помрачнело. Но главное было не снижать, и Амендралехо подойдя настолько близко, насколько его допустили, поклонился, подав пример чисто европейской изысканности в том. Вид однако у аристократа на голой груди камзол и рубашка хвостом из кармана был какой-то неподготовленный и даже разнузданный. Не зная о чем и на каком языке с ним можно говорить, и больше того, считая это для себя ниже своего достоинства тот человек указал пальцем – убрать, причем указал так явственно и обидно, что у Амендралехо с арабским плохо стало, и не потому что этим языком нужно было воспользоваться лишь только затем что бы не пользоваться итальянским, а потому что у него горло сперло.

Сзади налетел мокрый стражник, обхватив его по рукам, и Амендралехо был брошен... под замок.

Началось его пленное сидение в темноте, потом, правда сильно разрежавшейся от щелей, через которые можно было выглядывать наружу, хотя и видеть только море.

Немного погодя дверь раскрылась и ему бросили его продырявленную лодочку, со сломанными веслами и нечто вроде постели в ней из обыкновенной конской попоны. Еще затем кинули две лепешки, возможно на целый день. Единственное приятное следствие от попадания в плен было довольствие едой, и то это только пока. Но вязкая сдоба лепешек была так вкусна, что все то время, что он насыщал свой голодный желудок, ему ничего больше не хотелось ни знать ни думать. Вот когда кушанье кончилось, Амендралехо только с тем и ощутил во всей полноте бедственность своего положения.

Он еще посмотрел через щель на голубую воду походил по своей темнице, сделанной крепко, если судить по тому как мало дневного света в нее проходило, несмотря на подверженность оному.

За невозможностью ничего поделаться или подумать, он расстелив в лодочке одеяло, с еще большим удобством в мягкости и без резких качков, улегся отдыхать.

Галит

Проснулся он снова своевременно, когда по телу корабля раздавался шум цепей сбрасываемого якоря. Почувствовался толчок как от остановки.

Амендралехо бросился к щели и увидел через нее берег, крутой и пустынный. Посмотрев в свою зрительную трубку, у него оставшаяся по недосмотру, ничего больше к этому впечатлению не добавил, но заметилось явнее даже, чем почувствовалось что корабль наоборот тронулся с места. А до этого значит стоял, дожидаясь попутного ветра.

Амендралехо стоял и наблюдал через щель, пытаясь определить: что это может быть за земля? Если африканский берег, то это очень скверно, если нет – то какая же это может быть земля еще? Между тем корабль, давая заметно ощутимые галсы, продолжал идти вдоль берега. Небольшая завязка обещала превратиться в события, нужно было только смотреть и ждать, что он и делал со все более возрастающим интересом, так как видов за берегом прибавилось, и вдруг кроме всего прочего... белый приземистый дворец вдали, на фоне глыбового цвета крепости, Неужели это Галит!? О это просто было замечательно, тогда бы это изменило ситуацию, как вывернуло бы на изнанку. Не он бы оказался в плену, а возможно даже несколько наоборот.

Жадно всматриваясь в очертания дворца и крепости Амендралехо радостно улавливал знакомое. И у него исчезли всякие сомнения в то, что это остров Галит. Когда корабль стал заворачивать в гавань и к причалу.

Что делалось на причале Амендралехо видеть уже не мог, хотя немножко слышал. Собравшиеся там люди из дворца гомоном и поклоном встречали прибывших на корабле. А из самого дворца двигалась пестрая людская процессия, которая так же несла огромные ручные носилки, называемые у французов портшез. Процессия скоро прошествовала на самый причал. Из-за убранного полога стал выбираться грузный человек в широком серо-голубом халате, поддерживаемый руками и головами, на которые он опираясь ложил свои ладони.

С борта приставшего корабля только сейчас начали подавать трап, так что вельможе из портшеза было куда направить свои стопы. Он весь сиял и доброжелательно разводил руками.

– Вай-вай, как быстро ты обернулся, я не успел заметить. Значит все хорошо и прекрасно у тебя, и я за тебя доволен. Богатый улов надеюсь...

Омар Мейяд, тот к кому были обращены эти слова, сильно побледнел от неожиданности такого оборота разговора, о котором если бы он знал, так ни за что сюда не заглянул. И про себя у него начали срываться проклятья на пиратский менталитет местных, а внешне на лице стало показываться улыбочное выражение, с тем чтобы начать отказываться, как вдруг улыбка была спугнута резким шумом позади, который почему-то очень привлек его внимание.

Это был не столько даже шум сколько стуки ударов разбежавшегося Амендралехо ногами в дверь – той о стоявшего рядом стражника – того о стену, выдерг секиры застрявшей в двери тоже сопровождался резким треском похожим и на стук, и затратой мгновений, за которые выскочивший Амендрадехо успел унести на несколько прыжков, и далее перемахнув через преграду, подскочил к самому борту, совсем недалеко от того места, где стоял главный человек на корабле. Омар Мейяд, который не успел еще снова собраться на улыбку, вообще побледнел не зная что делать.

Амендралехо между тем не обращал на него совершенно никакого внимания шагнул скорее к самой калитке в борту, где был виден лучше всего.

– О! Дорогой пришел! – раздалось еще более радостней снизу с воздетыми руками, и от этой радости бей Хусейнид – как того называл его дорогой друг, стал даже подниматься ему навстречу по трапу.

– Как давно я тебя не видел, как хорошо что ты приехал! Что скажешь?

– Здравствуй и до свидания.

– Э, нет. Так просто я тебя не отпущу пока не угощу так что чуть не лопнешь, пока не напою так, что из ушей литься будет, никуда не отпущу!

Твердо сказал Бей Хусейнид¹ и от его рук, которыми он подхватывал за спину, невозможно было никуда деваться, ни им сопротивляться. Первым Амендралехо, а за ним, Омар Мейяд подавленный, с задержкой, и в качестве второго гостя, стали сходить вниз. Потом они вдвоем же попали к бею Хусейниду в крытые ручные носилки и затем во дворец. Там за обильным пиршеским столом в просторной зале с низким потолком, с танцовщицами, за музыкой и горами еды Амендралехо с беем Хусейнидом очень запросто можно стало поговорить между собой в стороне от Омара Мейяда.

Поведав вкратце о том что у него стряслось, Амендралехо указал так же, что как раз у того, косясь указывая, что сидел неподалеку, на корабле и находится в заточении его сердечная зазноба. Он и сам у него не так давно содержался под стражей, но вот благодаря удачной встречи выбрался от него. Не может ли бей Хусейнид поспособствовать ему и в удачном вызволении той, что была незаконно у него вырвана? – С этими словами Амендралехо злобно глянул в сторону Омара Мейяда.

Бей Хусейнид кручинно подумав, развел руками, поохивая. – Рад бы помочь, но не могу. Для меня есть один закон – закон гостя и нарушить его – не могу! Таково наше восточное гостеприимство.

Омар Мейяд, однако, невзирая на все законы родного гостеприимства, сидел как перед убийством и подумывал сорваться и броситься бежать, невзирая на свой сан. Амендралехо же видя то что он сидит и впрямь как на иголках, подумал что что-то здесь темнит бей Хусейнид.

– Не обязательно силой и угрозами! – сказал он тогда поднося пиалу к губам.

Во всем другом помочь могу, но я не думаю, что у него можно будет ее выпросить он человек несвободный выполняет чужую волю. Не его просить надо.

– Неужели он служит прямо повелителю?

– Самому султану лично.

– Вот это дела... А какому же эго султану? Не уж-то Османскому?

– Марокканскому султану Исмаилу... Ну ты, не убивайся, это дело еще можно поправить будет. Я напишу султану Исмаилу послание, в котором очень хорошо попрошу на счет одной девчонки для одного мальчика.

– Сделай милость. И еще отпиши мне что ли ярлык какой посольский, что бы я мог добраться до султана.

– Зачем тебе это? Сиди у меня и жди!

– Нет не могу я сидеть и ждать! Я просто не выживу без нее!

– Тогда ладно, так уж и быть. Повезешь мои подарки султану и послание. А я немного погодя тоже вслед за вами поеду. Справишься обо мне через португальский порт, да там посмотри, что делать если у тебя ничего не получится. Так пойдет? – Тогда пошел я договариваться с нашим дражайшим гостем, что-то он загрустил, сам с собой невесел...

Махмут Варлад, тот стражник, что был на Амендралехо всегда зол, пришел к нему в бывшую темницу, отделанную ныне как светлицу и сказал когда к борту выйдет прогуляться Омар Мейяд. Собственно ему для того и было сказано, что бы Амендралехо знал кто хочет с ним говорить.

«Опять двадцать пять» – подумал он. Однако положение его резко изменилось, после того-то душевного разговора за столовыми возлияниями, когда он простейше объяснил, что

¹ * Бей Хусейниды правили Тунисом.

плыл себе по морю, сбился с курса, плутал, как вдруг повстречался с судном и подцепился к ним. Там его отлично просто, как для подозрительного незнакомца приняли и даже выделили отдельные апартаменты ни с кем не разделяемые, в которых ему довелось хорошенько поживать. Но самое большое впечатление на него произвела та изумительная пища, что он съел с превеликим наслаждением! Невольно польщенный сановник, да ещё и к тому же восхваленный за помощь его самому большому другу самим беом Хусейнидом был взят... до глубины души или за загривок, значения большого не имело.

Итак, значит важный сановник соизволил с ним все же поговорить, возможно от скуки однообразного плаванья, а возможно посчитав что выждал достаточно. Амендралехо волновал один важный вопрос, с которым он и подошел к тому месту, где стоял Омар Мейяд, упершись ногами в брусья борта, а лицом уставившись в сторону еле заметной гористой полосы берега.

Раскланявшись с ним со средней, если так можно выразиться, почтительностью, и пожалев себя и за эти усилия, после того как тот удостоил его всего легким наклоном головы, Амендралехо сразу вынул ему свои сомнения:

– В чем дело, мне совершенно достоверно показалось мы оплыли остров вокруг и повернули назад?

– Мы огибали Альборан в поисках ручья для пополнения запасов пресной воды. А дальше не все ли тебе равно какое направление я выбрал? Западное, северное? – почему это тебя может интересовать?

– Меня бы не интересовало если б не показалось... Любознательность это мой маленький порок, – нарочно добавил он, завидев... – О, а что это за мыс что виден справа, вы не подскажете?

– Гата.

– Мыс Гата? Название вроде испанское. Как вы только допускаете в своих странах чужие названия?

– Как раз этого у нас не допускается, – может быть с долей гордости возразил Омар Мейяд, – Но и чужим землям мы не навязываем свои названия.

– Так значит это и есть Испания?! Дорогой сеньор Мейяд вы значит собираетесь вернуться к досточтимому Иса Бен Сальману Аль Хусейниду? Что вы там у него забыли?

– Вот как раз с ним бы мне и не хотелось встретиться, особенно в Атлантике. – сделав вид что не заметил его укола уколол Амендралехо в ответ дважды.

– Будьте любезны мне все же сказать куда мы плывем? – тревожно спросил Амендралехо у Омара Мейяда.

– Тебе бы это должно быть все равно. Но если ты такой любознательный, уважу, в Эль-Джезаир мы идем. Все? – Или еще что-нибудь интересуешь?

Амендралехо затмил. Не собирается ли он там что-нибудь предпринять в отношении Мальвази?

Несомненно он заподозрил бея Хусейнида в неладном и выключал того из игры, пропуская за Гибралтар берегом Африки, когда как сам шел берегом Испании. Оставалось рассчитывать только на самого себя, если конечно «Халиф» не встретится с судном отряженным беом Хусейнидом на обратном пути. Тут уж оно нападет по праву и закону корсарскому.

Этого не случилось, заставляя Амендралехо подумать о пустоте горячих обещаний, или о том что бей Хусейнид преследует здесь какие-то свои цели. Корабль шел под всеми парусами, и кроме того теплое береговое течение несло его на восток к городу – островам, что значило Эль-Джезаир по-арабски. Берег виден был совсем рядом – узкая прибрежная низменность, а за ней хребты Атласских гор протянувшиеся по северной Африке на полторы тысячи миль из Марокко, где они были особенно велики, хребтами через Алжир и отрогами в Тунис.

Столичный город, давший название всей стране, ныне резиденция дэев, показался сначала издали, своим портом облепившим собой обширную бухту, которую составляли так же

островки, определяемые по водяным врезам между ними, заполненным рыбацкими суденышками.

Чем ближе к берегу, цвет воды менялся от синего все ближе к голубо-зеленому, словно отражая мелкоту дна. Казалось все портовое побережье было заполнено самыми различными надводными посудинами, начиная от челноков и кончая вполне приличных размеров парусниками, особенно с тем, с которым пошел на сближение «Халиф», выбрав для пристания его укромный причал, в стороне от кишящего теснотой и сутолокой торгового порта.

Несколько раз уже в своей жизни, так же как сейчас, прибывал Амендралехо в порты, но такой растерянности и безразличия как в этот раз он еще никогда не знал. Но!... Как же быстро все меняется в этом мире – заметив знакомое судно, столь хорошо знакомое по серым прямым парусам и треугольным фонарям, что даже когда ни того ни другого не замечалось на пришвартованном «Альтамуре», он узнавался по разоблаченному виду, Амендралехо моментально смекнул, что ему нужно делать, и бросив все что имел на корабле: подарки, а вместе с ними кое какое положение, так же слугу и соглядатаев, незаметно исчез.

* Алжир*

До слуха Омара Мейяда, вышедшего на середину палубы смотреть за ходом разгрузочных работ, неожиданно донеслись истошные крики Махмуда Варлада, который с этими криками выбежал из каморки, устроенной как каюта, одному всем известному здесь типу, и с заломленными руками бросился перед стоящим на колени... Сбежал европеец! – От любого другого сообщения Омар Мейяд не остолбенел бы больше чем от этого? От возможных происков его на море пришлось спасаться берегом, то теперь уже суша, не успели на нее ступить стала представляться бескрайними просторами местностью, чреватой самыми различными опасностями, ведь не спроста же он сбежал. И значит море содержало в себе ловушку, потому что европеец и поныне кроме своей посольской миссии продолжает надеяться на что-то еще?

Кругом в ужасе бегали негры-гвардейцы из султанской стражи в поисках того, кого им было строго-настрого приказано стеречь под страхом смертной казни. Заметив Куасси-Ба, который прибежал из трюмов с носовой палубы и вбежал в каюту, Омар Мейяд направился туда же. Куасси-ба был самый старший по званию и самый видный из негров – гвардейцев отосланных ему в плаванье. Что среди негров-гвардейцев замечался только один он способствовало два обстоятельства, Куасси-ба был на редкость мощного телосложения и большого роста, а так же то, что как и каждый представитель своего цвета кожи с добродушным веселым характером, если уж вызывал раздражение – так вызывал абсолютно всем, даже тем что только могло быть. Омар Мейяд сильно подозревал Куасси-ба в том, что тот потихоньку подсмеивался над ним со своими подчиненными на своем родном языке. И еще у Омара Мейяда имелись старые счеты, еще по дворцу, насчитанные именно этим чувством раздраженности из-за легкого фривольного поведения гвардейца перед ним. Куасси-ба смог понравиться султану, но высокопоставленному чиновнику – нет.

Когда Омар Мейяд вошел в каюту, негры перевернувшие до этого в ней вверх дном все, бросились в отчаянии на колени, и даже Варлад, последовал тому же примеру, но не Куасси-Ба, который растерянно стоял, не зная что делать, и это явственно выдавало в нем нежелание склониться. Это вызывающее несмерение и вызвало в сановнике возмущившуюся ярость:

– Связать его! В посольский дворец! И там казнить! – крикнул Омар Мейяд стражникам, стоявшим за ним.

Куасси-Ба взглянул ему в глаза, но уже не тени испуга не было в них, а только злоба, выразимая через блестящий выразительный взгляд. Он не ждал помощи от двух своих товарищей, которые в другой бы раз еще могли вступить за него, но не сейчас, и ему захотелось самому постоять за себя, он готов был накинуться на Омара Мейяда, да был схвачен и потащен куда было приказано его доставить.

Получив хоть некоторое удовлетворение и набравшись от этого уверенности Омар Мейяд пошел к пленнице, которую должно быть занимала суматоха происходящая за стенами ее комнаты. Приставленная к ней служанка, тоже навряд ли могла что-нибудь понять, так как предпочитала не выходить за дверь, и он поспешил к ней что бы сделать сообщение и вообще завести разговор, от которого итальянка постоянно ускальзывала. Теперь же она пойдет, должна была сама его заводить.

У Омара Мейяда был особый подход к обращению с теми, кто так или иначе подпадал под зависимость, например с наложницами и перевозимыми султану женами, или вот как сейчас с пленницей. Это потому что ему самому нравилось снисходить до одного уровня с невольницей, особенно если это была женщина именно такая, какую являла из себя эта итальянская княжна. Очень интересная собой, она вполне могла прийти ему приятельски... Как это бывает приятно разговаривать с любой собеседницей. Этим Омар Мейяд раскрашивал свою скуку, которая обычно завладевала им в бездействии. Так же заводит хорошие отношения

было не бесперспективно, потому что через женщину было так легко и убедительно действовать. А любая из них, даже на первый взгляд невзрачная, могла добиться такого положения, к которому лучше было относиться еще с большей почтительностью, чем к самому султану, хотя это когда как, но нравиться нужно было очень мало.

Ныне у Султана не было первой жены, та к которой он сейчас заходил, со временем вполне могла ею стать... Старая запользованная книга арабского языка лежала на том же месте, а листы бумаги оставались по-прежнему белы, почему служанка приставленная обучать сеньору новому языку виновато опустила голову в поклоне.

– Что случилось, мы уже приехали? – спросила без тени интереса сеньора итальянка, даже не взглянув в лицо вошедшему, а служанка на всякий случай перевела, хотя Омар Мейяд владел простым, то бишь разговорным итальянским, наученный самой жизнью. Он легко понял о чем его спросили, и жестом указал женщине уйти отсюда.

Не успела Мальвази как следует испугаться как ей было отвечено с мягкой предупредительностью в голосе:

– Именно так, драгоценнейшая сеньора.

– А куда вы меня привезли?

– В Алжир, сеньора. Вас ждет поездка до дворца в ручных носилках, потому обязательно закройте лицо когда будете сходить, хотя бы вот этим платком – как по мановению волшебной руки достал откуда ни возмись взявшийся в его ладони свернутый квадратик ажурного красноватого цвета, затем распутившийся в легкий платок, уложенный на столик как скатерть.

Чем он хотел ее удивить или хотя бы порадовать!? Омар Мейяд, смутившись и сам не понял. На наряд она так равнодушно взглянула, что он почувствовал себя самоуязвленно от возможно проявленных эмоций. Конечно, жизнь избаловала ее всем этим вдоволь. Ее нужно было смирать.

– Непременно закройте, он почти прозрачный и вы быстро привыкнете к вещам подобного рода.

– Сеньор Мейяд, вам бы можно было знать что такое вуаль. И, чем наряжать меня в цыганский платок лучше бы вы приказали подать носилки к самому выходу! – дважды уколола она его.

– Нет, прелестнейшая сеньора, у нас про это говорят так: не гора должна ходить к Магомету, а все-таки Магомет к горе.

– У Вас ужасно.

Вереница груженных обозов, людей с тюками и вооруженных всадников, особенно плотно окруживших несомые носилки с еле приоткрытым пологом, тронулась от причала корабля, где еще раздавались возгласы зрителя, командовавшего погрузкой последнего скарба. От причалов вереница неровной лентой потянулась напрямик через середину города, видневшуюся на повышении белой, так называемую Медина. Многолюдная, оживленная со множеством узких тесных улочек, выложенных отполированным за века булыжником и наполненных людом, белая от света, серой пыли и белых квадратичных домов с прямыми крышами, основная часть города и называемая Мединой, представлялась для новоприезжей в этот южный мир, очень необыкновенной и отталкивающей. Несмотря на непроходящее чувство чуждости. Вспомнив свои милые сердцу виды родной местности Мальвази невыдержанно всплакнула, теперь и бурлящий грозный Палермо представлялся таким приветливым.

Ее внимание занялось базарными видами, которые потянулись по широкой улице сильно забитой людом. Из-за этого продвижение вперед часто замедлялось, раздавались разгоняющие крики, даже удары плетью, и видимость через край полога заслонял грозный Арабский всадник с головой полностью закрытой черной намоткой.

Восточные базары – это сердце любого города, где сходитя трудовая и торговая жизнь, и одновременно здесь обмениваются свежими новостями и прочими разговорами, отчего

жизнь здесь обыкновенно бьет ключом и представить базар без выкриков зазывал, прорывавших говорливый гул, было просто невозможно.

Эти резкие, порой пронзительные крики на непонятном языке сильно врезались в расстроенную душу Мальвази, заставляя ее через силу свыкнуться с положением невольницы именно тем отверженным ощущением, которое наложило отпечаток на все дальнейшее ее поведение, со стороны еще казавшееся своевольным. Поэтому когда Омар Мейяд, подъехавший к носилкам на своем черном коне, отогнул пологу немного в сторону, Мальвази воспользовалась этим что бы получше взглянуть на торговый ряд, но не на того кто наклонившись смотрел на нее сверху.

Она смотрела на ряд сидевших на ковриках торговцев перед горками желтых красных оранжевых фруктов самых разных форм и особенно привлечших ее внимание мячиковых апельсинов. Ее томила жажда и через «нехочу» ей нужно было просить. Ало-красные дольки арбузов заставили ее.

– Как душно, долго вы еще будете меня везти? – обмахиваясь веером спросила она взглянув через отворот полога на Омара Мейяда, который смотрел... и хотел ее.

– Но ведь мы в Алжире, нетрудно догадаться что до Марокко не день и не два. Как раз и приедем через две недели – переменявшись ответил он.

– Что значит как раз?

– Как раз... на сорокалетие – ответил Омар Мейяд с многозначительной улыбкой.

Мальвази отвернулась, сразу поняв что это означало для неё, как женщины, вспомнив что однажды он ей сказал что султан родился в три часа ночи. И что такие люди соответственно особо бурную деятельность проявляют именно в такое время (с намёком). Она дуясь смотрела вперед за корпус черного коня, прося теперь только взглядом то на что с желанием смотрела. Видимость застил выехавший на ишачке вперед какой-то купец набобистого вида, показавший на подушечке пальцем на нацепленные перстни. ... Омар Мейяд заметив по выражению лица итальянки что она смотрит уже не просто, отвернувшись от него в сторону, а смотрит именно куда-то с интересом, конечно же обратил внимание не на горы бахчи, а на торгаша драгоценностями, который к тому же и сам бы на себя невольно обратил внимание раскатистым зазыванием обращенным и к девушке, и более всего к Омару Мейяду.

– Может хорошая девушка хочет посмотреть такие же хорошие украшения?!

В другой бы раз Омар Мейяд постарался бы закрыть нахальному купцу доступ до девушки, он и собирался даже прогуляться по его спине плеткой, но сеньора Мальвази протянула руку. Купец оказался не так уж и нахальным, что бы протягивать перстень под шеей коня Омара Мейяда. Перстень тактично был подан едущему верхом, и тот не наклоняясь скинул его на подол итальянки. Та, даже не взглянув вверх, равнодушно взяла сапфировый перстень пальчиками; вроде он ей не понравился. Она протянула перстень обратно вверх.

Омар Мейяд взяв, швырнул его обратно купцу. Тот ловко поймав оный с обескураженным видом сдернул с петельки второй перстенок и теперь уже заехав вперед конской головы бросил другой перстень в итальянку

– Знаменитый камень Адамас! Таких драгоценностей падишахи не носят! Несмотря на то что кричал купец по-арабски, определенное слово прозвучало для Мальвази достаточно понятно, приведя в смешливое настроение.

Она смеясь отрицательно помотала головой, собираясь откинуть этому чумазому шарлатану обыкновенный бриллиантовый, может быть даже с поддельным камнем, не говоря о её по названию принадлежности. Но тут внимание проявил сам Омар Мейяд, очень интересовавшийся хорошими вещицами и слышавший о этом всемирно известном камне, Мальвази смеясь протянула ему второй перстень. Посмотрев на камушек и на то, что над ним смеются Омар Мейяд сурово взглянул за конскую голову, на купца вниз. Злость его вышла тем, что он резко размахнувшись запустил перстень в сконфуженно пригнувшуюся голову купца в тюрбане.

За то, что этот торгаш осмелился приставать к ним и смел недозволенно заглядывать в лицо девушки Омар Мейяд вообще хотел распорядиться что бы ему выпустили кишки, но то что легко можно было сделать в Марокко, здесь возможно могло кончиться неприятностями определенного рода. К тому же нахал поспешил скрыться в толпе. Мальвази от этого раскати-сто звонко хохотала, задернув полог, и Омар Мейяд даже был доволен собой во всем произошедшем.

Отъехавший далеко в сторону купец-торговец таким образом кончив вояж, недовольно обернулся назад глядя на проходящую вереницу.

– Что такое не везет и как с ним бороться? – вздохнул тяжело он, поправляя съехавший тюрбан и затем через непродолжительное время добавил, вспоминая неудачу – Идиотка!

Перед ним как добрый ангел с водой появился по пояс голый чертенок и предложил анисовой водички, естественно за некоторую мзду, как подумал он только тогда когда напился. Денег у него с собой как раз-то никаких и не было. Было и стыдно не дать и жаль мальчика. Он посмотрел на свой широкий халат джеллабу ярких цветов – на халате ничего не было, а сам он был необходим. Тогда посмотрел он на свои остроконечные шлепанцы – бабуши, сами они ему были очень нужны. Достал тогда он из кармана то, что у него было, выбрал то что подешевле, а именно сапфировый перстень и протянул мальчику.

Смотревшие, которых как и всегда при всем великом оказалось много – Ахнули: ... Вах, вах, вах.

Этот некто с видом купца затем посмотрел на удаляющуюся вереницу, за которой собрался было ехать, как его сзади поощрительно похлопали по плечу:

– Молодец дорогой, широко поступаешь, – похвалил бей Хусейнид. – Вот что дальше делать будешь только, не знаю?

– Не удалось у зверя из зубов добычу вырвать, придется к нему в логово за ней залазить. Подставь своих людей что бы подсобили в случае чего.

– Что ты думаешь у него сделать сможешь, ничего не понимаю?

– Там увидим, – пожал Амендралехо на прощанье руку и понукнул ослика ехать за вереницей.

Сложный замысловатый лабиринт улиц вился меж белых кубов домов-крепостей с глухими внешними стенами, так называемого крепостного стиля, который делал дом действительно неприступным оборонительным сооружением вместе с дувалами и высокими стенами оград. Поэтому улочки внизу, иногда шириной только для проезда одного всадника представлялись весьма неудобными и гибельными, потому что разили стесненного налетчика здесь уже со всех сторон, и снизу, и сверху.

Именно таких улочек, в которых легко можно было застрять и избегала длинная вереница каравана, посему за ней нетрудно было незаметно проследовать.

Путь-дорога уводила на край города, где местность становилась разреженной от городских кварталов, появлялись пустоши, дикие заросшие места, холмы.

В Посольском дворце Мальвази отвели покои выходящие окнами во двор, где собралось большое количество людей по случаю установления несложных эшафотов, Она украдкой глядела вниз, схоронясь за краем шторы. Ее сердце сжимали очень нехорошие предчувствия, хотя она и не понимала что выведенных негров будут казнить. Но несколько минут назад у ней побывал Омар Мейяд намеренно обративший ее внимание на законные виды. Не иначе как нарочно им было устроено что-то дикое что бы подавить ее волю. Мальвази в этой чуждой невольной обстановке чувствовала себя очень плохо. Смотря вниз через окна, которые не пропускали ни звука, она старалась понять что происходит зрительно, находя в этом некоторое забвение от гнетущей ее обстановки.

Вышедший Омар Мейяд в красочном богатом одеянии сразу, обратил на себя внимание, особенно виновных, для которых наступил решающий момент – решающий их судьбу.

Горящие белыми зрачками виноватые глаза негров только усиливали тяжесть их вины, придавая обстановке дух необходимости поступить круто. Необходимость призывала насторожить людей. Почему бы и не казнить, и повод был такой что можно было не опасаться возмущения со стороны привилегированной гвардии, султан любил когда его верноподанные враждовали между собой, Омар Мейяд не мог изменить своего решения еще и потому что ему попался Куасси-Ба, высокий, сильный статный негр примеченный самим султаном, но по мелким причинам невыносимый ему. Перед ним-то Омар Мейяд не мог смалодушничать; ни перед ним, ни перед самим собой за все те мелкие погрешности в крайне раздражающем поведении негра, что бесили его, заставляли ненавидеть, подозревать в этом маленьком начальничке гвардии опасность открытого насмехательства над ним, среди своих черномазых подчиненных, чего Омар Мейяд не терпел больше чего-либо другого. Любая другая опасность переносилась им легче, чем эта. Эта им считалась наихудшей из зол – иметь насмешников в гвардии – значило иметь враждебность этих необузданных скотов, из-за которых мнение о нем могло пошатнуться повсюду. А это была болезненная черта его как человека и сановника. Дабы удовлетворить свое самолюбие и припугнуть гвардейцев, даже несмотря на большой риск, даже не пригибаясь перед тем обстоятельством что Куасси-Ба считался любимцем султана, но сам этот многозначительный факт пригибал: в любимцах оказался случайно попал на глаза. Пропав с глаз забылся настолько, что даже был послан в столь дальнюю и опасную поездку, из которой немудрено не вернуться, вот только если он сам не напросился на путешествие, посмотреть земли и моря. Важно не только поймать птичку, что сделал Куасси-Ба, но и унять ее трепыхания ценою собственной головы. Ворота посольства были закрыты, здесь он был полновластный властелин, и трудностей дипломатического характера, как в случае с купцом, коему он воздержался выпустить кишки, возникнуть не могло. Одна только заминка: торгаш пришел ему не только на ум, но и перед ним. В следующее время произошло то, что виновные, уже покоровшиеся своей участи в поспешности всего произошедшего затем, были даже заучаствованы, причем самим Омаром Мейядом. Купец спросил, за что собираются казнить...

– Если за то, что потеряли дорогого гостя, так ничего подобного. Я здесь, я всегда был с вами, вы это сами можете подтвердить. Никуда я от вас ни на шаг не денусь! Это была только шутка убедитесь сами!

И он начал раскручивать на голове намотанный тюрбан сразу обнаружив признаки верного доказательства, встревожив Омара Мейяда, ведь могла заметить и догадаться сеньора Мальвази. По резкому жесту руки стражники державшие негров, а за ними и сами удерживаемые, накиннулись на выступавшего, быстренько свалив и скрутив.

за решеткой в темнице сырой

Амендралехо вместе с Куасси-Ба бросили в подземную темницу, похожую на глубокую яму, выложенную тонким кирпичом и имеющую единственное сообщение с внешним миром – зарешеченное окно под потолком выходящее на пол полуосвещенного подвального коридора. В коридоре горел факел и монотонно ходил охранник, четко и верно выстукивая по мозгам стоящих ниже, вынужденных еще к тому же лицезреть эти шаги вровень со своими лицами. Настроение у Амендралехо с пребыванием в этой темной дыре сложилось тихое, еще он чувствовал себя здесь брошенным, если все вместе – брошенным. Нужно было искать пути выхода из создавшегося положения, которое не иначе как могло кончиться убийством в темную: счастливцев негр что-то не чувствовалось что бы больно радовался избавлению от смертной экзекуции, ее он возможно как раз ожидал. Ему лучше было знать. Хотя трудно было понять что так кручинит этого худощавого исполина, тупо воспринявшего смену эшафота на темницу и лишь немножко эмоционально оживившегося при попадании туда, что выглядело со стороны дурно, и действительно было некоторым дурным оживлением. Видно и тут, как всякому кому Бог даровал силу – ума отнял. Да и вообще все негры очень простой народ, стоит снова засветить солнцу и вернуться к друзьям, как к нему опять вернется непроходящая жизнерадостная энергичность. Пока же подавленность эмоций у Куасси-Ба соответствовала перевиденному им. Он тупо глядел через пробелы прутьев, таким образом что ли тянувшись к свету. Но вообще чувствовалось Куасси-Ба был неплохим малым и по прошествии долгого времени, когда между союзниками невольно установилось чувство общего, спросил Амендралехо:

– Твоя женщина, я взял?

Ну пришлось ответить просто и ясно – иначе бы не понял, чья княгиня.

Так это еще оказывается он утащил его любимую прямо у него с глаз и из под рук, верно тот рослый негр и был Куасси-Ба, а не просто эфемерный чернокожий. Как он мог не подумать так ни одного раза? Хотя какая была разница: не тот, так другой! Однако что для самого Куасси-Ба, то сие обстоятельство его очень смущало, и он натурально чувствовал на себе вину. И грустил. Хорошо еще что не считал виновником всех своих бед его. А так возможно оценивал великодушный поступок и это можно, и нужно было использовать, потому что нужно было бежать, если не отсюда, то вообще использовать первый же представившийся случай, что двум сильным проворным мужчинам, нацеленным на достижение какого-то результата, вполне возможно. Но возникшим радужным помыслам суждено было тут же потухнуть, и даже через нехочу, как-то неуместно было даже начинать разговор.

Вздорная мысль пытаться убежать со дна задраенного каменного мешка! Единственное что оставалось – смотреть что будет?

Последующие изменения несомненно должны были произойти и очень скоро. Чувствовалась предварительность обстановки и того положения в которое они попали. Над ними думали как с ними быть: оставлять в посольстве – верный способ потерять, брать с собой – это вернее и лучше для обеих сторон, если конечно не решалось третье, о чем подумать было жутко и не хотелось думать, хотя легко могло случиться – эшафоты еще стояли, и то подумать за что они были приготовлены!

В положении узников на все приходится обращать внимание. Слишком зависимы они от внешнего, почти всем происходящим внутри. Всеми помыслами. Внешнее и чувствуется рядом, и как недостигаемая заветная мечта приобретает самые особые свойства. Стоило только в подземной галерее зашуметь шагам, как сразу все внимание очнувшееся от спячки задумчивости, показавшейся долгой и даже настоящей, было обращено за решетку. Что предстоящее

им готовит? можно было ожидать всего наихудшего, хотелось надеяться на что-то обыкновенное.

Свет огня раздражительно ослепил, не давая приглядеться к тому кто подошел в пестром броском одеянии, в котором, с трудом разжмутив на миг глаз узнавались знаковые полы халата Омара Мейяда. Но голос грубый и жесткий принадлежал как будто не ему:

– Уберись с глаз!

Очевидно это восклицание относилось не к его особе... и верно, отвернув лицо в сторону, куда прикрыв глаза рукой можно было взглянуть не сильно слепясь от яркого света, Амендралехо увидел как Куасси-Ба присмирело и унижительно убирается в дальний угол, ну точно как собака с перебитыми лапами и даже скуля так же, всем своим видом вызывая жалость в замене злости.

Когда негр-гвардеец прислонился к стене и уткнулся лицом в самый угол, раздался вопрос теперь уже относящийся к нему, к Амендралехо.

– У кого ты взял одежды? Отвечай!

– Мне их подарил бей Хусейнид, еще на Галите.

Как осенило его ответить так просто и ясно и что самое главное получилось произнести это как ни в чем не бывало твердым ровным голосом без всякого намека на робость и слабизну – оказавшуюся бы предательской. Но ничто не дало в Амендралехо слабинку, да и то в какой он позе отвечал в присядку, безразлично отвернув прикрываемое ладонью лицо в сторону, еще сильнее обескуражило грозного вопросителя. Обессиленно смолчав, даже и через силу не мог вдаваться в подробности после такого замешательства, поставивший его приход в тупое положение. Пришедший, дабы хоть чем-то оправдать свою досаду злобно проговорил

– Будешь сидеть до посинения! В подвальную пыль сотру!

И еще что-то сказав надсмотрщику пришедший недовольно удалился, оставляя после себя дурное ощущение навалившейся беды.

Однако вместе с тем как все, или почти все стихли, настроение Амендралехо погрузилось в спокойственную истому безразличной отрешенности и равнодушия к чему-либо, с вялым течением успокоительных мыслей о том и о сем. Занятое облокоченное положение у решетки и света давало ощущение пребывания на виду. Соприкосновение с камнями подвала посольства вселяло уверенность к изменчивости обстановки; никакие камни распираемые снаружи не удержат его здесь после отъезда Омара Мейяда. Если тот конечно не заберет его с собой или не пожелает покончить с ним здесь... Даже к этому он сейчас относился с невозмутимейшей апатичностью, так же как и к злости Омара Мейяда. Враг мечется, не знает что делать, желанное освобождение или хотя бы резкое изменение ситуации – забрезжило как свет наступающего дня, оставалось только ждать и смотреть что будет?... Не замечая доселе своего союзника-негра, так же обретавшегося у края решетки, только по другую сторону, Амендралехо невольно обратил внимание и на него, и на неожиданное изменение обстановки, выразившееся поначалу близким гулким шаганием стражника-надзирателя, обычно ходившего посреди подземного коридора, а тут по каким-то причинам завернувшегося почти к самой стене. Казалось бы что тут могло быть стоящего внимания, однако негр что-то в этом нашел, и как будто очень стоящее. Возможно еще не совсем ясно осознавая что делает, все равно что как непроизвольно хватательно реагируя на что-то движущееся вблизи, Куасси-Ба сначала несмело протянул руку меж прутьев решетки, затем лишь сделал решительный выброс мускулистой руки.

Амендрадехо пришел в себя в того каким он всегда был, и понял что произошло только когда незадачливый стражник будучи подсечен или сдернут вниз рухнул наземь. Как это все нелепо и невероятно получилось, чуть не заставив пока стороннего наблюдателя усмехнуться! Но не было ни одного лишнего мгновения, начатое Куасси-Ба было вовремя поддержано вступившимся на поддержку Амендралехо. Еще прежде чем охранник успел набрать в грудь воздух чтобы крикнуть о помощи, удар по затылку привел его в бессознательное положение ниц.

Дальше нужна была не меньшая удача, чем в случае с забреденьем охранника к самой решетке – при нем должны были быть ключи, чего по идее не должно быть на внутреннем посту... Но все шло к тому что они вылезут из этой дыры и как в силу этого неумолимого обстоятельства Куасси-Ба забренчал отысканной связкой ключей. Пока он пребывал в неопи-сваемом восторге, глядя белками глаз на ключи Амендралехо вырвал у него связку, быстренько отыскав нужный ключ по цвету металла запрыгнул на выступ перед решеткой, быть ближе к замку. Куасси-Ба стал снизу поддерживать его висячее положение..., а вообще-то он был просто отличным малым, и даже его глупость была только на руку, с ней можно было так легко поладить... Вылезши за открытую решетку наружу, Амендралехо на миг застыл задумав сде-лать еще больше того что они только собирались сделать. Задумать такое в подобном положе-нии мог только отчаянно смелый человек, либо впавший в какой-либо вид безумия – Аменд-ралехо так тянуло к ней, что он и сам не знал: не безумец ли он? Но в своей жизни он часто делал все что можно и нельзя было сделать. Нужно было попытаться и на сей раз... Куасси-Ба сбросил тело охранника за решетку и закрыл ее. То-то будет Омару Мейяду досадно обна-ружить вместо узников своего надзирателя! Но что ждало впереди их?

ПОТЕМКИ

Они добрались до места, где по всем расчетам и прикидкам должны были находиться как раз те самые окна во двор, из которых она смотрела.

Позади подвалы, ночной двор, они всеми правдами и неправдами пробрались вовнутрь, главным образом благодаря познаниям гвардейца-негра в распорядках несения внутренней дворцовой службы, а так же лихости или же удаче, коей в большей степени способствовали одежды полностью укутывавшие лица. Хорошо бы было захватить самого Омара Мейяда, но как тут к нему дорвешься?! Сеньору охраняли скорее всего еще сильнее, но ее охраняли изнутри, от себя самой, что давало им возможность что называется подойти к делу с задней стороны. У входа стоял всего лишь один страж, которому ничего другого не осталось сделать как пропустить проходивших за полог. Дойдя до того, что у арабов, да и вообще на востоке называется женской половиной дома любая находчивость встала бы здесь в тупик, а Куасси-Ба и тем более. Видя такое дело Амендралехо несмотря на удерживания негра уверенно ступил вперед и точно из под земли перед ним появились двое стражников, вооруженных кто чем.

Моментально определив взглядом евнуха или того кто мог быть ближе к этим обязанностям, повелительным голосом приказал ему приготовить итальянку и вести ее к Омару Мейяду.

Пуганно относящийся ко всему тому что исходило от этого имени пузач расторопно бросился исполнять повеленное, а уж что там и как за этим проследить не представлялось возможным. Служка исчез так же незаметно как и появился, после чего ничего другого не оставалось как оставаться ожидать... удачи или обратного тому, что могло бы обойтись им жизнью. В этом, напрашивающемся на слово «нетвердом» месте, затянутом коврами, за которыми люди появляются так же внезапно как и исчезают, было от чего вспомнить старое нервное ощущение перед востоком своего мягкого голого живота, беззащитного от острого лезвия. Посему Амендралехо быстро, хотя и в пределах достойного, заволновался, собираясь пойти устроить дознание прокладывая себе путь через преградительные пологи ударами сабли.

Такое конечно ни к чему хорошему не привело бы, и минутное замешательство не проявившееся в нем внешне никак, так и погасло. Чем дольше времени проходило тем больше подавала признаки надежда что столько-то времени тратиться именно на женщину; на вооруженный сбор времени потребовалось куда бы меньше. Ее так долго собирали... на ночь! Несчастная, каково было сейчас ей разбуженной собираться на что?.. Она наверное наложит на себя руки... Испуганное воображение Амендралехо нарисовало уже один легкий путь захлебнуться в поданной воде, как в этот момент он увидел что она ведомая евнухом спокойно вышла из-за края ковра делавшего угол. И хотя на ней была чадра, он определил ее по походке, отличившую ее от любой другой женщины. Несмотря на это Амендралехо все же убедился подлинно ли это она, отогнув край чадры – она, спокойная, будто бы смирилась или же не догадывалась куда могли ее готовить и вести в двенадцать часов ночи!... Или еще позже того!

Со смешанными чувствами ревности и радости что все же он выводит ее, ее повели, пользуясь ею же как пропуском, они вели женщину, а перед этим все расступалось.

Поначалу Амендралехо задумал смелый и решительный ход, идти с ней прямо к Омару Мейяду и таким образом взять его прямо в постели, что называется еще тепленьким. Правила полного их спасения диктовали делать именно это. Но еще издали завидев стражников у входа в опочивальню Омара Мейяда Амендралехо смутился и свернул в желанный темный коридор. Синица в руке ему показалась гораздо дороже журавля в небе. Он испугался лезть с ней на ражен, выбрав менее перспективный, но спокойный путь вместе с ней. Может быть он оказался абсолютно прав, ведь их бы близко к дверям не допустили, приняв от них женщину заблаговременно. Схватиться с ними принимая во внимание фактор внезапности имело бы место если бы их оружие было равно классом.

Евнух удивился тому, что они пошли в неверном направлении. Получил резкий рубящий удар в затылок, отчего свалился с ног как подкошенный. Этого Мальвази как будто не заметила, или сделала вид что не заметила, но по ее трепетному поведению можно было почувствовать, что она сильно боится, что над ней могут проделать тоже самое.

Что происходило потом, впоследствии вспоминалось как что-то невероятное, не вмещающееся в рамки никакого понимания и вызывающее чувство отчаянного сожаления к тому что получилось именно так, а не иначе... Они вышли наружу, направились по площади двора, после же криков и шума поднявшегося за ними следом с последовавшей беготней побежали и они, не так быстро, ведь юбки!... Пока не подхватили ее за пояс. Стали преодолевать ограду. Он помнил, что сорвал с себя сбившуюся чалму..., ее открытое лицо, предстало близко к его лицу, но вместо того что ему хотелось и следовало ожидать, его как громом поразило и как кошачьей лапкой скребнули по сердцу – она презрительно шикнула и попыталась вырваться из схватки его рук, оставшись по прежнюю сторону разделившей их преграды, пожелав остаться лучше с ними, но не на свободе с ним! Она шикнула и скорчила ненавистную гримасу, так-то относясь к нему при внезапной встрече, что нужно было принимать за абсолютную искренность и он воспринял это пораженно, не будучи в силах ни шевельнуться, ни что-либо произнести, только глядя в ее лицо широко раскрытыми глазами полными горечи, получая самые ужасные чувства обиды от каждого ее резкого вырывающегося движения.

Не в силах что-либо проговорить или сделать и слыша часто повторяемое ею: «-Оставь меня в покое, мерзавец, предатель!», – он так и потерял ее, точнее их оторвали друг от друга: подбежавшие стражники – Мальвази, а его товарищ его самого, увлекая за собой поскорее скрыться. Но встряхнутый этим, придя в себя из оцепенения и ощутив необратимость произошедшего, он сделал сумасбродно отчаянную попытку вернуть ее! Последнее это, что он смог сделать еще, видя ее, это крикнуть в ее сторону:

– У султана покоя не будет!

И невольно удаляясь в темноту ночи, еще более горечно добавил негромкое, ненужное бесполезное обвинение с обидой: – Конечно султан лучше простолюдина!

Он рыдал на бегу, сильно расслабляя тело, содрагаемое этим нервным невоздержанием. Слезы часто по несколько срывались с глаз, падая наземь.

рандеву

Посольства Омара Мейяда и бея Хусейнида были при дворе алжирского правителя почти одновременно, поэтому что бы не отдавать предпочтения ни одной из сторон и вместе с ним стран в их лице, для страны находящейся между этими странами было проявлением высокого дипломатического искусства принять обе стороны вместе.

После традиционного поднесения подарков, протянувшегося в подобающей торжественностью обстановке, вдруг неожиданно резко она прервалась раздраженным голосом Омара Мейяда, так что дей Баба Али даже вздрогнул и с подозрением взглянул на левую от себя кучу всякой всячины, куда гневно указывал кричащий:

– О светлейший дей! Не принимайте эти данайские дары! Ими хотят загладить свои преступления!

Омар Мейяд был перебит решительно и проворно выступившим из тунисской делегации Амэндралехо, с еще более эмоциональной живостью и в речи, и в жесте:

– А эти дары, не принимайте, – указал на следующие противоположные, – ... Потому что ворованные!

Ошеломленный последним заворотом, который преподнесла эта встреча, Баба Али покосился на правую кучу и воззрился на невидаль: Амэндралехо одетого чисто по-европейски в белую рубашку сверху и черные штаны с сапогами снизу, всем своим задорным, да еще и обличающим видом под столь сильный контраст тем, с кем пришел, кого, выступая впереди их, собою же затенял, невольно создавая нелепое недипломатическое впечатление, что это он их с собой привел, что бы решать свои дела.

Омар Мейяд, получивший уже прямое оскорбление, да и такое сильное, что даже побелел, возвизавшись на своего злокозненного врага, свирепо качая головой указал пальцем вытянутой руки.

– Этот шайтан меня и на море и на суше преследует, нигде от него спасу нет! Вчера поймал я его среди своих людей. Засунул в подземелье... Сегодня на тебе, он опять передо мной вылез...

– Светлейший... (такой-то и такой-то достопочтенный, или до ста чтимейший, было не суть важно в скороговорке) Баба Али, я умоляю, если это в ваших силах, сделайте как-нибудь так, что бы я только больше его не видел и не слышал... – нервно задышался Омар Мейяд, ощущая что при одном только виде этого человека его телесные и моральные силы упадают.

Амэндралехо же чувствуя свое полнейшее превосходство выдавал еще пуще прежнего:

– Я могу помочь тебе с этим как никто другой! Только для этого сначала верни мне моего любимого коня, которого ты у меня украл, конокрад несчастный! А затем верни мне мою госпожу. Запомни: коня и госпожу! – Никто еще меня так сильно не обкрадывал!

Европеец выступил блестяще. Жалкий и оплеванный вид марокканского посланника вызывал у Баба Али приступы внутреннего смеха, которому только личина государственного величия не давала прорваться наружу. Что же касается до его личного шута, который был в этом отношении в наиболее неестественных обстоятельствах, так тот вообще уже от смеха ползал на животе и кричал, взывая к нему о помощи:

– Умоляю прикажи им замолчать, иначе я подохну!

Забавляла дея и роль Хусейнида, посольство которого задвинулось на задний план, попав в наиглупейшее положение, какое только можно было себе представить за лицом, находящимся в столь близком родстве к туннисскому бейю. Понимая что столь важный гость все-таки хоть какое-то отношение к завязавшейся ссоре имеет, Баба Али обратился к нему:

– Уважаемый, неужели правда то о чем я подумал? Такие высокопоставленные сановники (в сторону Омара Мейяда) и такие высокие государственные вельможи (в сторону бея Хусейнида) гоняются и ссорятся друг с другом! А подумать только из-за чего: из-за коня!.. Из-за женщины! Тьфу! да такого добра набирайте у меня сколько хотите! И забудьте что вы там не поделили. Вы не были значит в Алжире, раз вам женщин стало мало!

– Светлейший, вся беда с ними состоит не в том: мало их, или много. А в том та самая эта или нет – продолжал настаивать бей Хусейнид и Баба Али видя непреклонность позиции тунисской стороны, решил попробовать с марокканской. Но Омар Мейяд видя куда переноситься разрешение вопроса, желая предупредить подобный оборот дел, а так же по железному правилу ловкого придворного не желая никоим образом отказывать, успел повернуть ход диалога в свою пользу, правда нашел для этого самое худшее средство, какое только можно было найти, он начал оправдываться:

– То что эта белая свинья называет воровством – составляет гордость... – Омар Мейяд предательски осекся не зная кого указать, хотя по смыслу и так было понятно.

Попеняв на себя за эту заминку, перешел на коня, объяснив что оный попался им совершенно случайно и обещал вернуть. Неловко и постыдно чувствовал он себя после всякого своего слова и желая хоть как-то загладить это впечатление выругался на Амендралехо, да вышло в том же духе: опять белая свинья, но без контекста очень уж нелепое словосочетание, так что сам обругиваемый только усмехнулся на это.

Дей Баба Али исходя из последнего сказанного начал строить свою примирительную речь говоря что все они у него гости и белые, и...

И тут Амендралехо – неслыханное дело, перебил речь самого государя, ловко и колоссально язвительно вставив – и очерненные!?

Бей Хусейнид смотрел на это все со стороны и думал чем это все может кончиться?

«Скорей бы!» – было одно единственное его желание. Европейец вел себя конечно очень вызывающе, хорошо еще равнодушно воспринимал ругательство, весьма соответствующее надо сказать, и посему все сглаживающее.

Бей Баба Али порешил так: одни отправляются в одну сторону – другие в другую. Каждому направлению придается по отряду конников.

Под занавес встречи, когда обе делегации уходя нижайше откланивались, Амендралехо улучив момент в месте наибольшего приближения будучи утягиваем беом Хусейнидом, все же обратил на себя внимание своего злейшего врага:

– Не обольщайтесь Кальмар Змеяд. Земля-то ведь круглая. Мы обязательно должны будем встретиться!

Омар Мейяд отвернулся, ничего на это ни сказав.

Нирвана

Амендралехо спускался с верхнего этажа на второй вслепую сшагивая по белым ступеням, потому что тщательно вытирал свою голову после принятой холодной ванны. Процедура несколько не облегчила душевного состояния. Голова как была тяжела от мрачных дум и размышлений по тому или иному поводу, так и не прояснилась ни одним проблеском выхода из создавшегося положения.

Вытирая шею Амендралехо нашел некоторое забвение в наблюдении за своим старшим другом беем Хусейнидом, забавлявшимся с молоденькой гурией Фейзурью. Прелестница исполняла а-ля-песни светских людей, к коим истинно принадлежал и являлся сей светский муж. Звуки флейты, свирели и тамбурина, под которые пела и плясала Фейзурь заставили засмотреться и задуматься о своей такой же и не такой – во много крат более желанной и родной! Ее увозили в другую сторону, а ему дабы не навлечь на себя гнев повелителя Алжира не следовало злоупотреблять его великодушием, тем более что совсем не было в том ни какой острой необходимости. Как наметили они на утреннем разговоре состоявшемся после приема у дея, сразу как только они достигли стен и тенет тунисского посольства, там где их даже свои не могли услышать: от конного отряда как и вообще от всякого соглядатайства можно легко отделаться, отплыв на корабле. А вот куда – это уже другой вопрос на который отвечать никому не нужно. Бей Хусейнид тянул на свой Галит, считая что времени у них в запасе, что воды в море, что песка в пустыне, его же рвало и тянуло в Фортасса-Гарбию,² где у него будет целый отряд кочевых джигитов, и куда придут сведения о продвижении наблюдаемого каравана.

* * *

Бей Хусейнид обязательно хотел посетить Галит. Прежде чем отправляться в столь далекое путешествие необходимо было как следует подготовиться – главным образом запастись надежными людьми. Радовало желание бея Хусейнида побывать в далекой стране, нужно было только договориться: где в Марокко он должен будет дожидаться.

Несмотря на общую ясность ситуации что-то угнетало Амендралехо, но подспудно скрывая за собой какую-то радость... Он вспомнил об обещании Омара Мейяда вернуть ему любимого коня.

Одновременно он понял какие страхи не давали ему радоваться этому: конь мог придти изувеченным в отметку, и тогда горькая встреча, наполняющая его душу тяжелым страданием, кровоточащие пустые глазницы, останущиеся в памяти навсегда... Зачем нужно было говорить любимый!

– Не посмеет. – обнадежил сам себя Амендралехо, на приеме он достаточно крепко перепугался, да и вообще он уже им затретирован так, что ради мелкой отместки рисковать на всякий возможный случай не станет, иначе с ним будет сделано тоже самое, если не похуже.

Возвращение коня задерживалось с одной единственной целью: задержать их в посольстве. Что ж они могли подождать и день, и даже два, время у них было, ну а потом сразу по получении ожидаемого сразу за дело! Сию минуту покинуть Эль-Джезаир! Эль-Джезаир принес столько надежд и возможностей, начал возвращать отнятое. Находясь в нем всего ничего, не заметив даже город как следует, как впрочем не заметил совсем дворца правителя, так только как декорации на фоне его негодования, будучи целиком отвлеченным на свои свершения он мог чувствовать к этому городскому имени лишь ощущение чего-то для себя полусчастливого и малоудачного. Даже не хотелось так скоро сниматься в путь; покидать эту

² * Древнеримские развалины, вблизи границ с Марокко.

приветливую дворцовую обстановку, эти толстые стены посольства, через которые как через стеклянные, можно было осматривать весь город и самые дальние его окрестности.

Голос бей Хусейнида прервал и закончил всякую музыку и пение, вмешавшись в ход мыслей Амендралехо.

– Э-э, ты все продолжаешь ходить печальным, так как будто все остальные чувства ты хорошенько потерял. Дорогой! Если ничего мудрого ты уже больше не можешь, а только грустить и печалиться? Подойди тогда к этой милой девушке – она изнасилует и поглотит тебя и это последнее чувство, а в обратную сторону родит тебе все остальные. О-о! Уж в этом она мастерица, будешь визжать вместе с ней и еще громче ее! Фейзури смогла бы ты так?

Фейзурь улыбчиво глядя на Амендралехо звонко похахатывала. Сам же и отвечал себе:

– Смогла бы! Посмотри каков орел, как он этого стервятника марокканского сегодня разделал! Ну, что ты молчишь оцени же его, разве не красавец-мужчина, король! Вот встань сейчас же перед ним на колени и воздай как королю, а ну!... Что??

Девушка вся зардевшись красной краской только хохотала в ответ, отводя глаза в другую сторону.

– Сегодня ты у меня что-то такая ленивица. А ну-ка птичка моя, сбрось перед нами свои перышки, покажи свою прелестную наготу, бессонница ты моя ночная. Уверю тебя такой восхитительной щелки ты больше нигде не увидишь. – похабничал обычно староватый развратник.

Амендралехо стянув с шеи полотенце уселся на высокие подушки. Все внимание обратилось на красавицу, которая ломалась, но чувствовалось, склонялась к этому.

– Ну ради нас милочка, давай показывай что ты там прячешь под платьем?

Фейзурь спасло от разоблачения пришедшее известие: привели коня. Амендралехо в один миг поднялся на ноги и устремился вниз. Пройдя еще одну обширную залу, кончавшуюся широкой многоступенчатой лестницей, уходившей вниз в прихожую, куда прямо с улицы ввели коня. Фарлэп подняв голову издали, заржал, завидев его. Фарлэп целый и невредимый, и все такой же как и прежде был снова с ним и тоже не мог нарадоваться от встречи с хозяином, постоянно тыкаясь длинной мордой ему в лицо и грудь.

На удивление тунисцев, стоявших поодаль Амендралехо, схватил Фарлэпа за узду и прямо по чувякам иноземных купцов, оставленных по мусульманскому обычаю перед порогом дома, провел коня наверх.

Введя коня в залу, где бей Хусейнид баловался с девушкой, Амендралехо крикнул:

– Пора!

Не успел бей Хусейнид начать возражать, а Амендралехо остановиться, как Фарлэп продолжая куда-то намеренно шествовать, вырвал узду из рук державшего.

Амендралехо понял в чем дело первым, Фейзурь испуганно закричала закрываясь руками и стараясь отстраниться подальше, бей Хусейнид взорвавшись истошным хохотом завалился на бок: Фарлэп с вытянутой мордой и языком из неё, лез к девушке в подол, пока та с диким ужасом не убежала. Фарлэп предпринял слабую попытку догнать ее.

Бей Хусейнид насилу прокричал сквозь смех:

– Омар Мейяд что бы только не позориться в дороге скинул тебе его обратно!

Заметив что Амендралехо совсем не до смеха тоже успокоился.

– Не падай духом. Возьми себя в руки. Что с тобой произошло, в прошлый раз как мы расстались, ума не приложу? Ясно одно тебя излечит только успех. Успех будет, Я в тебе не сомневаюсь, да и я помогу всем чем смогу. Отправляемся по первому же твоему изволению, но ради Всевышнего не бери это так близко к сердцу. С такой болью нельзя отправляться в столь опасный путь. Прежде тебе нужно скинуть эту хворь, меня ты избавил от бессонницы и непоседливости. Теперь тебе нужно приглядеться к самому себе, ты немножко захворал. Пора в Нирвану. И меня возьми туда же.

– Идем... Ты чувствуешь как потяжелело твое тело – это раз, затем два, три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять.

по горам – по долам

В раннее утро, когда еще темно, а светать только начинает, во дворе марокканского посольства происходило большое оживление, сборы к отъезду велись полным ходом: навьюченные верблюды подвязывались удилами к хвостам других по караванной цепочке.

Омар Мейяд нарочно сделал сборы такими ранними что бы иметь больше времени на дню проделать как можно больший переход.

В открытые ворота процессия потянулась узкой струйкой.

Сеньора Мальвази не спавшая уже вторую ночь после пережитых треволнений, ровно как и из-за переживаемых, так же была заблаговременно подготовлена. И на сей раз для длительного пути ей была подана та же самая повозка, что и подавалась прежде с шатром и напрочь задернутым пологом. Помимо этого неудобства была и тяжелая жесткая вуаль налегавшая на лицо, но ее она сорвала как только скрылась с глаз всадников, оставшись наедине со старой прислужницей.

Повозка тронулась в самом хвосте вереницы, увлекая за собой гурьбу конников.

Путь от Эль-Джезаира до Эль-Аснама забрал три дня. Сначала дорога лежала на плодородной вдающейся в горы побережной низменности, сливающейся с долиной реки Шелифф. Первый прибрежный горный хребет показывал в той местности большую брешь. Самая большая и полноводная из всех рек, никогда не пересыхающая Шелифф была в самой силе от прошедших в горах дождей. Послабее был дождь и в низине, заметно освеживший душный воздух и ярко преобразивший возделанные окрестности.

Когда-то в древности здесь росли леса, в данное же время они были почти сведены, оставшись в основном только в горах, уступив место возделанной земле. По обе стороны дороги шли заметные сады цитрусовых деревьев, чередующиеся с полями. Вдали затянутый голубоватой дымкой стоял и тянулся хребет Атлас. Часто прямо на обочине возникало деревце, усыпанное ярко оранжевыми сохлыми плодами, или кактус; но ни то ни другое не было похоже на милые сердцу итальянские пейзажи, и даже поля здесь были возделаны совсем по-другому. Большое впечатление оставлял быстрый бурный мутный поток реки, к которому приближались несколько раз. Мальвази никогда прежде не видела столь многоводных рек.

Двигались размеренным ровным шагом, лишь изредка были слышны скачки одного-двух коней, уносившихся во главу вереницы.

Из Эль-Аснама, небольшого тесного городишка, выехали поздно, по причине выжидания того, что могла сказать погода. Прохлада усилилась в настоящий холод, небосвод затянулся матовой бледностью, настолько плотной и тяжелой, что проводники хотели переждать, пока непогода разрешиться. Но Омару Мейяду надоело ждать, он приказал спешно отправляться.

Сначала пошел холодный ливень, и после чего сразу дорога раскисла, копыта стали чавкать, а колеса вязнуть. Добавился мелкий колкий град, заставивший Омара Мейяда выругаться, полностью укутать лицо и затянуть в рукава руки.

Переменчивость дождя с градом сменилась мокрым снегом, постепенно ставшим переходить в густой снегопад. Вмиг кругом все побелело и просветлело, приобретя впечатление кристальной чистоты и свежести. Полог повозки открывать не давали, однако же Мальвази ухитрилась отогнуть его снизу, и белый свет, свежесть и прозрачность неожиданно пахнули ей в лицо. Первый раз в жизни так!

После этого она как будто пришла в себя и по новой ощутила все происходящее... Тележное колесо глубоко увязало в грязи, покрытой снежными хлопьями. Ее увозили неведомо куда, на что? У себя на родине ей никогда не доводилось видеть снег вблизи и поэтому он казался ей чуждым и отталкивающе холодным, вызывая подобное отношение ко всему окружающему.

Началось самое ужасное что только можно себе представить при подобной погоде, задул порывистый ветер, превратив продвижение в муку. Снег повалил чаще и быстрее. Видимость пропадала на расстоянии десяти шагов и это очень сильно тревожило Омара Мейяда, он постоянно озирался по сторонам. Вокруг себя и повозки с итальянкой он собрал все свои немалочисленные силы.

Чутье подсказало ему что сзади происходит оживление.

Обернувшись назад Омар Мейяд первое что заметил – трех верблюдов с незнакомыми седоками в бурнусах, и обернутых шешом лицами, усиленно погонявших своих животных прямо к нему. Люди из его свиты скакавшие на конях рядом казались совершеннейшей мелюзгой, поэтому было от чего заволноваться.

Наездники на верблюдах, каждый из которых удобно восседал меж двух горбов, при более внимательном рассмотрении оказались туарегами,³ что легко определялось по одеянию и прочим мелочам на первый взгляд неприметным, но сильно разнящим людей.

Подъехавший первым туарег не счел себя должным спешиться, имея в свое оправдание скверную погоду, а так просто наклонившись протянул досланный из рукава сверток бумаги сначала седоку на коне, вставшим между ним и Омаром Мейядом.

Получив сверток Омар Мейяд развернул его и прочитал. Послание было от Баба Али и в нем дей кратко сообщил что тунисцы уплыли на запад.

– Али Бабе ты полная противоположность и по тени и по уму, о светлейший из найтемнейших! – по-восточному красочно и высокопарно выругался Омар Мейяд, не боясь что его могут услышать и передать из-за сильного ветра.

Выходило что они сейчас двигались прямо навстречу тому от чего старались уйти... Омар Мейяд заметил что посыльный чего-то ждет от него:

«Ах, ну конечно!» – признания в собственной безмозглости кому хочется оставлять в чужих руках?! Послание было возвращено, а туареги отпущены.

Сообщенное однако круто меняло положение вещей. Через несколько дней они могли бы уже быть в Марокко, но именно потому что Омар Мейяд, хорошо знал северное Марокко, и только что узнал кто их мог там поджидать, именно поэтому необходимо было сей путь отменить.

Решение созрело сразу: поворачивать назад в Эль-Аснам, а оттуда держать путь резко на юг. Великая пустыня надежно должна была их и скрыть и довести ближайшим путем к Марракешу. Собственно говоря решение это созрело в самом начале по прибытии в Алжир, иначе они просто не были бы готовы к Сахаре.

Был дан приказ поворачивать обратно. Возвращению назад никто больше так не обрадовался как этому почему-то была рада Мальвази. Слабые надежды затеплились в ее душе, несмотря на то что причина могла крыться в погоде. Она чувствовала, и таково было ее настроение что все пошло вспять, а не так как задумывалось.

В небольшой городишко за стенами на берегу Шелифф, который ни за что нельзя было принять за прежний Эль-Аснам, что виделся раньше, караван прибыл очень скоро и там на знакомых постоянных дворах переждал ненастье. Двинулись в путь сразу как только прояснилось, по дороге которая вела на юг, через хребет Телль-Атласа.

В той местности, где пролегала еле опознаваемая дорога, снег навалил так обильно что в низинах деревья были засыпаны казалось до середины. Выпадение снега явление само по себе редкое, но бедственное: тонкие ветви цитрусовых деревьев под тяжестью налепившегося снега ломались.

³ * Туареги – кочевое берберское племя.

Яркое солнце середины дня начало растапливать белый покров и утягивать испарения вверх. На дороге уже начавшей высвобождаться и приобретать свой цвет появилось много темных сухих мест. Вода стекала с дороги на обочину, а там побежали уже настоящие журчащие ручейки. Проводнику Бабраку, которому вначале с трудом приходилось опознавать дорогу, теперь можно было поручиться в этом деле своей лошади.

Направление держалось в сторону гор, которые подступали все ближе, становились все выше и разбросанней, отчего некоторые стали заходить справа или слева. Поэтому несмотря на то что казалось горы еще только впереди, к концу дневного перехода караван пребывал в середине Телль-Атласа – пояса невысоких хребтов, чередующихся неширокими низкими плато, устланными речными наносами и с одной стороны спускающимися к морю, с другой поднимающимися.

Дорога местами размытая водными потоками, с камнями и прочими ухабами, превратилась в настоящую крутую горную дорогу, резко забирающуюся по излучине меж двух гор на перевал.

Влажные впадины и нижние части склонов гор поросли лесами из пробкового дуба, остроконечных тополей, ильма, ольхи. Выше пояса обычных лесов в этих горах определенный высотный уровень захватывался каменным дубом. Самые верхние уровни вблизи вершин на труднодоступных и самых неприхотливых местах, на краю обрывов, осыпях рос лузитанский дуб и можжевельник. Конусообразные вечнозеленые кроны можжевельника узнавались издали даже в сумерках.

Ночной привал состоялся на самом перевале, как в наиболее защищенном со всех сторон месте. Оно представляло из себя открытую ровную площадку, с которой просматривались все стороны.

Ночь прошла спокойно, если иметь ввиду опасность, кою она в себе таила. Но что касается тишины, та, постоянно прерывалась пронзительным визгом шакалов, чуввших запах пищи, их шорохами и возней неподалеку от палаток.

Наутро Омару Мейяду, возблагодарившего Аллаха за то что довелось спокойно проснуться самому – холод, свежесть и туманная дымка лесов напомнили что он давно собирался поохотиться в горах.. В таких диких местах, где сохранились рощи ценного атласского кедра, синевшего на высоких склонах вдали, могли водиться медведи, не говоря уже о кабанах, ланях и оленях, которых было полным-полно в низинных лесах. Но обо всем этом приходилось забыть, обстоятельства круто изменились.

Караван начал быстрый и легкий спуск с перевала, неприятно было только тем кто находился в повозке, когда колесо, ее наезжало на большой камень, и просто от тряски.

* * *

По характеру рельефа Алжир распадается на гористую северную часть невысоких хребтов Телль-Атласа, среднюю – равнинное плато, то совершенно плоское, то волнистое и даже пересеченное отрогами южной части рельефа – высоких гор Сахарского Атласа, за которыми кончался Алжир, начиналась Сахара, подставлявшаяся одним из своих песчаных Эргов.

Обширное высокогорное плато, на которое вышел караван, носило характер степи-полупустыни с господством ковыля и травы-альфы, растущей густыми султанообразными пучками. Зеленеющие круглый год пространства альфы служат отличным пастбищем для караванов верблюдов, иногда кормя лошадей, хотя овцы ее обходят мимо. Особенно продолжительной и раньше положенного времени была остановка неподалеку от селения Махдия, как раз на таких полях из альфы, где трава достигала выше пояса. Водятся в этих зарослях неприглядная живность: ежи, дикобразы, ихневмоны, кролики, а близость стоячей воды наводила на представление о камышовом коте – в общем не стоило даже для интереса или забавы ради,

прошмыгнуть травостой. Как и многие другие чувства, чувство охоты было атрофировано мерещащейся кругом опасностью, могущей встать прямо из зарослей. Омар Мейяд отдыхал спокойно сидя в седле и глядя вдаль, и ввысь, на белоголового сипа, парившего кругами над местностью.

Конские и верблюжьи силуэты мирно кормились под присмотром. Верблюдам нужно было дать наестся на недели. Люди за сегодня сильно устали от жаркого солнца и поэтому легли все как один. Еще можно было ухватить и использовать оставшуюся часть дня, но тот от кого это могло зависеть, невольно поддался на свое приказание передохнуть и подкормить скотину, приведшее к полному привалу и большому откорму. В любом случае время тому что бы набить верблюжьи горбы, уделить обязательно нужно было, без лоснящихся холмиков в пустыню соваться было опасно, такие шутки по большей части кончались плохо.

Конское поголовье так же довольствовалось водой, на вид показавшейся солончаковой, поэтому к близлежащему селению не было никаких больше дел, как только послать туда разведчиков, справиться по своим интересам.

Следующие дни направление велось на юго-запад. Путь все чаще проходил по местностям, где все чаще встречались солончаки, иногда тянувшиеся на целые мили. Они виделись белыми, словно заснеженными вдали, расстилающиеся к самому горизонту фарфоровой гладью. Всегда кажущиеся сухими и разреженными, солончаки были очень легкопроходимыми.

Переливающийся кровавым оранжевый шар висел низко над землей впереди по ходу, совсем не слепя глаза. Караван подходил к огромному соленому шотту. В засушливую пору от этого бескрайнего озера, ныне казалось доходящего до самых отрогов начинающих подниматься гор – оставалась неглубокая, даже незаметная впадина, по которой можно было ехать днями, и ни за что не подумать, что это могло быть дном. Дождевая вода стекая в огромный бессточный резервуар Шотт-эш-Шерга создает водоем вновь, до того пока он опять не пересохнет.

Остановка у края шотта получилась сама собой, когда кони и верблюды, притянутые видом воды, с тюками и всадниками подходили на водопой, хотя кони не прельщенные солончатым вкусом поднимали головы. Удивительные в этом отношении верблюды пили всякую воду, даже самую пересыщенную солью – безразлично. Способность верблюдов долгое время не есть и не пить – породило легенды о сказочной приспособленности этих животных к условиям жизни в пустыне. Однако это далеко от истины, если учесть что даже с запасом собственной воды в себе, обычный одногорбый африканский верблюд может оставаться четверо, самое большое пятеро суток. Если верблюд и может неделями оставаться без воды, то это лишь в тех случаях, когда находится на хороших пастбищах, где трава дает требуемую влагу. Но найти себе прокорм в самом непригодном для этого месте и с самой подозрительной растительностью, как-то является верблюжья колючка, в этом верблюд мог бы поспорить даже с овцой, считающейся самой неприхотливой и неразборчивой.

Выстроившись ряд высокие темно-шерстные великаны мерно вкачивали в себя глоток за глотком, при свете заката и в повеявшей прохладе создавая некую гармонию успокоения.

нашла коса на камень

Омар Мейяд встал с пригорка, на котором восседал на коврике в полном одиночестве и отправился в раскинутый шатер искать желанного общения, и больше того. Легкая усталость делала тело страстным до любых удовольствий.

В шатре, только отогнув полог, он первым что заметил: наложницу, накрывавшую на ковер. Она была хороша, смела, не утомима – тысячи восхвалений заслужила эта сладкая косточка, но уже не могла доставить что-либо особенно нового, неизведанного, чего хотелось ему в наслаждениях подобного рода. Кушанья привлекли его больше, и он уже начал отпробовать одно за другим. Как вспомнил чего хотел еще.

Омар Мейяд приказал привести пленницу-итальянку и в приятном расположении духа, удобно поджав под себя ноги принялся ожидать появления Мальвази.

Она вошла в сопровождении стражника, приведшего ее из того же шатра, только другой половиной, окружным путем, почему на ней и оказалась плотная вуаль. Желая держаться и далее на расстоянии холодного отчуждения в отношениях между ними она нарочно не поднимала вуаль и не проходила туда, где ей видом показывали что ждут.

– Что ты жеманнишься, присаживайся, ты у себя дома, – намекнул Омар Мейяд, подойдя к ней и подведя за руку к разложенным подушкам для возлежания на ковре.

Мальвази удалось усестся своевольно так чтобы оторваться от рук, создав расстояние, кое будет трудно преодолевать вновь, да она и не даст. Но Мальвази допустила оплошность – во время не подняла вуаль, чем дала зацепку для следующего находка.

– Еще раз повторяю: ты у себя дома, а дома... паранджу снимают. – вальяжно заговорил Омар Мейяд, касаясь пальцами краев вуали...

...Спихватившись она одернула вуаль вместе с пальцами в сторону, одновременно отстранившись, что бы близость рук и подушек не повлекли за собой известных последствий.

– Это не паранджа, а вуаль. И ее в отличие от паранджи можно не снимать!

– Ох, уж эти тонкости, которые играют такую большую роль для женщин. Раз мужчина хочет, – присаживался он ногой на стопку разделявших их подушек, протягивая руки над ней – то что бы снять паранджу ...там, или вуаль.

– Осторожно лапами своими!! Больно же ведь!! – закричала Мальвази держась за прическу и вытаскивая острую шпильку. В порыве злости она сильно воткнула жало кончика прямо в палец. – Тебе так – понравиться?!

Одернув пораненную руку и зажав больное место, ошеломленный Омар Мейяд осел. Но по-настоящему поранено он себя чувствовал душевно от острых поразивших эмоций ненависти и действий.

В таком состоянии вместо влечения к ней он почувствовал отвержение. Задуманное насилие обессилело в нем, и спрося себя сможет ли он, чувствовал: что никак, с самой грязной нищенкой смог бы, и его сейчас потянуло найти утешение со своей наложницей, а с этой красивейшей европейской принцессой обрыв, как будто не женщина это.

Вместе со всеми этими чувствами, когда он смотрел, как она от него отсаживается, Омара Мейяда стало брать самолюбие, и то простое чувство отместки, обычно сопутствующее самолюбию, не позволившее прогнать ее просто так, не взяв чего-то своего.

– Я прошу прощения что сделал вам больно. Дайте мне вашу заколку я проткну себе руку насквозь – мрачно проговорил Омар Мейяд.

– Нет. Лучше продолжайте кушать.

Повинуясь, он взял две пиалы с разноцветным содержимым в рисе, и одну пиалу на пальцах, один из которых был поранен, что вообще-то ни о чем не говорило, протянул Мальвази. Та приняла, принявшись потихоньку есть.

За трапезой видя ее совсем другой, нежели чем ее довелось увидеть перед тем, Омару Мейяду подумалось что она чувствует себя виноватой перед ним, и желая разогреть эти чувства, он стал оказывать ей всяческие знаки внимания в отношении еды, и устно расспрашивая о неудобствах в пути. Постепенно разговор зашел о путешествии и желая вывести беседу на интересующую его тему, Омар Мейяд созерцательно глядя на Мальвази допустил следующее высказывание.

– Я везу вас как подарок султану, но честное слово я боюсь отдавать вас ему.

– Тогда предоставьте меня самой себе. Я вам, хорошо заплачу, – холодно выдала она ему. Ощущая как прежние чувства возвращаются, но сохраняя внешне то же невозмутимое выражение лица Омар Мейяд стараясь как можно теплей произнес:

– Обратному возврата нет – как отрезал.

– Почему же? Ведь я говорю о сотнях тысяч.

– У меня миллионы!.. И я вам... серьезно предлагаю... Становитесь моей. У султана сотни жен, сотни таких как вы. Вам первой не быть! У него в гареме даже белых целая стайка. А таких как вы смуглых – почти все. Европейка и не белая...

Мальвази сильно показалось пренебрежение к ней самой, что женщин всегда глубоко трогает. Пронзительно взглянув на собеседника выговорила:

– Зачем же вы тогда решились на разбой, ради небелой?!

– Не думайте о себе много! Просто каждый год я езжу в Европу закупать всякие ценные и интересные безделицы. Я пошел на экс⁴ польстившись на громкую славу о вас. Теперь я вижу что зря заинтриговал султана. Вам уготован нижний гарем, к чернушкам! Сеньора! Сейчас только ваша спесь высоко взлетела в моих глазах. Я вам откроюсь: как правоверный мусульманин я ни на букву не отступлю от заповедей Корана. У меня никогда не будет больше чем четыре жены! Среди этих рабелепиц вы не будете иметь себе равных. Вы будете женщиной для головы, для ума и для души. О вы просто не представляете себе что такое царить у араба в душе! Вы будете царить надо мной! – горячно оживился он, взяв ее руку в свою, так что даже умилил ее – Я чувствую это! Вы будете заставляя меня облизывать вас всю!... Но меня надо для этого один раз тронуть, только один раз и ваша жизнь как райская птичка мимо пропорхнет над местом у края стены высокого гаремного зала, а влетит в самый роскошный из дворцов на свою собственную половину. Только заклинаю вас не думать что вы сможете чего-то добиться у султана – вы не знаете языка. Вам ни в коем случае нельзя в гарем, замечено принцессы там чахнут. Будьте больше женщиной, чем принцессой, покоритесь предлагаемому, троньте мое сердце, сделайте самое трогательное что может сделать женщина мужчине, преклонитесь к моим коленям! – прямо туда и заехал он, так сразу, неожиданно даже для самого себя, но до того это было превосходно!

Возбужденный Омар Мейяд полез руками под полы халата. Верхом его эротического экстаза было то, что Мальвази деланно открыла рот, слегка пожевала и набрав с шикающей гримасской плюнула ему прямо в ноги, между...

– Ха-а-а-а! Ха-ха-ха! – продолжительно громко расхохотался он, очень довольный своим превосходством, ничуть не оскорбившись, и даже продолжая развивать свое превосходство устными представлениями:

– Этим ты сама выбрала низ. Будет вот как: я сделаю так что бы тебя сразу определили в нижний гарем – сразу у входа! Среди простых наложниц. Ты будешь лежать на грязном полу голый – на животе, и я буду тобой довольствоваться при всех. Не захотела приклониться наедине, будешь брать лежа при всех! О-о, тогда все старые мигеры наржутя, и я без всякого стыда перед ними прильну губами к вашей мягкой нежной ягодице, пока она еще никем

⁴ * экс. – сокр. от экспорприирование

не была осквернена. А потом пушу на использование страже, Тут же! Тогда я посмотрю в твои глаза и спрошу у них – Нужно было согласиться? – завелся он снова, с пугающей мягкостью настаивая на своем.

На мгновение что-то в девушке дало слабину, и она представляя себе это чуть не расчувствовалась, желая запричитать: верните меня домой. Но она быстро взяла себя в руки.

– Я бы мог взять тебя насильно, это бы было твоим счастьем, но ты плюешься и я тебе изощренно отомщу. Я сделаю тебе, как у вас говорят: из князи да в грязи. Сначала я все-таки предоставлю тебя как ночной подарок султану, ему как раз скоро исполняется сорок. То-то он позабавится с такой необъезженной лошадкой, он страстно любит такое. О я бы мог взять тебя в жены насильно или даже просто насильно взять, мой повелитель так мне и предлагал: хочешь возьми ее как хочешь. Если я возьму я лишу своего повелителя такого удовольствия! Я не посмею этого сделать, я слишком сильно люблю моего сул...

– Сильнее женщин! – резонно усмехнулась Мальвази.

Его не только ранили, оплевывали, но теперь уже и принялись топтать его возвышенные чувства к государю, намекнув на такую дерзость:

– Мерзавка! – ударил он ее рукой по лицу, заставив закрыться и отвернуться.

Получив таким образом повод к уходу Мальвази незаметно удалилась, оставив Омара Мейяда одного негодовать. Нечего и говорить что внутреннее состояние и настроение его оценивалось им самим как истерзанное и загаженное. Прежняя легкость в теле сменилась тяжестью и содроганием, и что бы хоть как-то облегчить душу он вышел из шатра наружу развеяться и отвести душу, на чем свет держится проклиная женский пол.

«...Как искренно и верно в Коране сказано: женщина изменчива, непостоянна, развратна, нечестива!.. О святое писание, может ли с тобой что сравниться в этом мире по откровенности?»...

Снаружи было еще очень светло, несмотря на то что солнце зашло. Ему сообщили что местность вокруг безлюдная и дикая. Невдалеке обнаружено несколько рощиц из гигантских зонтичных и карликовых пальм, откуда было замечено какое-то движение. Густые заросли фисташек и тамариска проверены еще не были и вызывают опасения.

Для Омара Мейяда все было предельно ясно: гривастые бараны и обезьянки маго. Для первых он приказал готовить джериды,⁵ предвкушая хорошую охоту, для второго зверья шесты. Обезьянка была бы прекрасным подарком в знак примирения.

⁵ * дротики

как женщина женщине

Караван снова, в который раз был поднят ни свет ни заря. Омар Мейяд перед выступлением имел с Бабраком разговор относительно пути, так как проводник не знал куда вести определенно.

– Веди наикратчайшим путем через Фортасса-Гарбию. Там перейдем горы.

– Мой повелитель, хочу вас предупредить это заброшенное место пользуется у всех караванщиков дурной славой. Повелите спросить любого купца взятого вами, каждый подтвердит Фортасса-Гарбия – гнездо разбойников.

– Предлагай.

– Мой повелитель, не возласкает ли ваш ум простота моей ничтожной мысли: перейти горы в ближайшем от нас месте. Вашим зорким очам угодно видеть эти горы. За ними, если будет угодно Аллаху, вы без усталости придете в Гардаю.

Омар Мейяд испытующе взглянул на проводника. К нему обязательно нужно приставить соглядатая. Чувствовалось этот человек вел свое.

– Зачем такое отклонение в другую сторону? Если не ответишь убедительно – долой голову с плеч, сейчас же!

– Мой повелитель – упал в ноги Бабрак, правда без особых волнений – Гардая готовит в пустыню. Гардая меняет коней на верблюдов, даст бурдюки⁶ с водой. Гардая отправит в долгий путь и заметет следы от чужого глаза. Сахара надежно спрячет вас в своих безбрежных песках.

– Я чувствую заведешь ты нас, и не выведешь, а все из-за своей великой жадности. Золота тебе больше надо, вот что тебя только беспокоит. Так уж и быть, придется на тебя расщедриться, иначе бедным будешь после такой поездки. Я не хочу что бы к тому времени когда ты меня выведешь обо мне забыли бы. Я тебе буду платить не по монете в день, а сотню золотом по окончании пути. Веди вдоль хребтов, так далеко как ты предлагал не удаляйся.

– О щедрейший из всех щедрейших. Осмелюсь раскрыть глаза ваши на то что за сахарскими горами вы найдете совсем не то что думаете. Любого кто пересечет горы ждет бескрайняя цветущая равнина. Ныне весна, с гор в пустыню текут полноводные реки. Эн-Намус, Саура и еще пять рек непостоянство и непродолжительность жизни коих не дали мне припомнить их имена.

Пропадают эти реки в песках Эрга, напоевая своей водой и песчаную пустыню. Если воли Всевышнего будет угодно, вы увидите и Эрг – цветущим и живущим краем. Но обманчива будет сия живизна, только одного человека с конем, сможет пропойть она, да и то случайно. Уже несколько человек будут обречены на гибель или падеж скота...

Совсем другую картину вы встретите на зеленой равнине. Стада антилоп, диких верблюдов, даже жирафов заметите вы вместе с самой разной прочей живностью. Покуда рыки львов и леопардов будут тревожить по ночам ваш сон, знайте: пустыня еще не близко, и только когда вашему зоркому взгляду начнут попадаться антилопы Мендес и Бубалы – значит скоро граница с пустыней. Эти животные – предвестники песков. Пески начнутся раньше всего за Гардаей.

Бабрак убедил Омара Мейяда в целесообразности уклониться в сторону с тем что бы наверняка оторваться от всякой возможной напасти. Пусть на несколько дней затянется путь, но зато он будет спокоен от опасностей. Возможно сильнее вымотает, тем будет лучше если усталость и изнурение лучше всякой паранджи скроют от султана величайшую красоту, и он

⁶ * кожаные мешки.

без затруднений и опасности, коя могла изойти от его завистников, скроет сокровение своего сердца у себя. Такую птичку нельзя будет втихаря отвести от султана.

И чем больше дней он проведет в одном движении с ней, тем большего добьется. Самоуверенность, которую развивают в мужчине женщины, вынужденные искать защиту в смиренности, не давало Омару Мейяду сомневаться, что он заставит ее склониться к нему.

Чувство любви даже в самом своем зарождении, даже у самых черных натур порождает стремление делать хорошее, хотя бы полюбившемуся существу. Хорошее, что мог сделать Омар Мейяд для Мальвази, он считал что сделал все до мелочей, и сделал так, что бы она не тяготилась его добром – ненавязчиво Мальвази получила прекрасную арабскую лошадку белую и спокойную. Имея возможность сидеть на ней как она того хотела и разъезжать вполне свободно в поле видимости зрителей, скрытых и спереди и сзади процессиями далеко по сторонам.

Что бы иметь повод приближаться к ней Омар Мейяд пустил свою большую повозку рядом с повозкой итальянки, поэтому не было ничего удивительного в том что Мальвази заехав вперед, заметила за приоткрытым пологом (так предпочитала ездить и она) очень милостивую девушку с необычным смугло-красным цветом лица. Украдкой она и раньше видела ее, и знала об отношении между ней и Омаром Мейядом. Необычайность девушки заключалась в национальной принадлежности. Ни таких лиц, ни убора волос и одежды с украшениями Мальвази никогда раньше не встречала, разве что было сильное сходство с цыганками; но было и сильное отличие. Так или иначе, а девушка эта сильно приглянулась ей, а схожесть их положения только сближала и рождало желание познакомиться. Но встал казался непреодолимый вопрос о языке общения.

Видя затруднения со стороны европейки (платье и вуаль пока что выдавали в ней такую), девушка так же проявляя к ней большое внимание обратилась по-французски.

– Мадам, вы говорите по-французски?

Как больно защемило сердце при звуках речи этого языка. Она сейчас должна была говорить по-французски, но не здесь в дебрях Магриба,⁷ а во Франции с любимым Франсуа, которого она не видела уже года, и уже отчаялась, жизнь столько наобещавшая пошла на слом; ничего кроме доброго сочувственного внимания незнакомой девушки у нее больше было. И она не выдерживая расчувствовалась, уткнувшись лицом в вуаль и руку.

– Значит с вами несчастье случилось не так давно, как со мной. Я уже свыклась за два года. Да вы плачьте не держитесь, после этого полегчает, может вы сильно много потеряли, так расскажите не держите. Вы потеряли любимого?

– Нет, его я потеряла раньше... Я все время ждала его и хочу ждать... а не ехать куда-то... – впадала в слезную истерику Мальвази. Она охотно дала себя обнять уткнуть голову в плечо, вставшей в повозке девушке. Утешая она вспомнила о себе.

– Меня украли два года назад прямо с праздника во дворце моих родителей... Меня собирались вернуть за большой выкуп, но побоялись попасться. Мой отец – грозный раджа, поклялся казнить тех кто так преступно воспользовался его гостеприимством. Поэтому я вместо того что бы вернуться к моим горячо любимым родителям и моему старшему брату, которого я тоже не могу забыть, я из-за гнева отца потеряла родной дом. С арабскими купцами я была и в Багдаде и Дамаске, и на Крите, где меня продали на женском рынке. Оттуда я попала в Алжир, где меня стали обучать сразу несколькими языкам, в том числе и арабскому... вернее я хотела сказать французскому, а арабский я старалась не учить, потому что так боялась остаться в этой стране. Но моим мечтам попасть во Францию не суждено было сбыться, однажды ночью в доме, где жило еще несколько женщин как я, поднялись крики, вошел наш нынешний гос-

⁷ * Средиземноморская Африка

подин с моим бывшим хозяином. Они о чем-то спорили или ругались... потом господин Омар Мейяд прошелся по нашим комнатам, увидев меня, схватил меня за руку и не дав даже как следует одеться увел за собой...

На счет того что было потом, девушка загадочно улыбнулась, заставив улыбнуться и Мальвази, знавшую уже на что горазд был Омар Мейяд.

– Так я побывала и во Франции и в Испании...

– Как тебя звать?

– Рита. А я знаю ваше имя. Вы итальянка?

– Рита умоляю тебя, давай на ты. Тем более что мы обе принцессы, только ты индийская, а я итальянская. Ну, а если две принцессы объединятся, они заставят любого варвара себя зауважать. Нет Мальвази, – снова так же загадочно улыбнулась индианка. – Я ему не принцесса, а рабыня. Я когда вижу его широкую грудь, мое тело дрожит и слабеет перед ним. Я ничего не могу с собой поделать.

– Та-ак! Это значит ты любишь его! – рассмеялась Мальвази вместе с Ритой. Арабский хищник до женщин, стяхнутый от черных коршунских перьев был немного обсужден голеньким.

Продолжительный перерыв в разговоре, случившийся непроизвольно, был заполнен не тем, что бы ощутить прекрасную погоду в воздухе, синь неба, пейзажи природы вокруг, а как будто, как это всегда за женщинами во время такого молчания кажется, они заняты только тем что бы подыскать новую тему для разговора. Неизвестно, может мы в них что-то недопонимаем, но разговаривать с ними откровенно на темы подобного рода панически ими отвергается и пресекается.

– Ох, Рита, я даже не знаю как мне дальше быть?

– Милочка моя, поверь мне, как женщина женщине тебе только добра желаю, – с глубокой взволнованностью, присущей опыту, проговорила девушка совсем непохоже для своих лет. – Я пробываю среди этих извергов уже два года и одно тебе могу сказать: смирайся и подчиняйся, и ни в коем случае ни в чем не сопротивляйся – назло сделают еще хуже. Могут что хочешь с тобой сделать, даже искалечить, это звери, я на такое насмотрелась! Как бы тебе не было плохо, больше всего бойся разозлить, Я тебя просто умоляю, сбрось гордыню, забудь кем ты была помни кто ты есть – слабая беззащитная женщина.

Мальвази вспомнила как она отшила одного такого опасного для женщин, но не сомнения овладели ей, а робость и неуверенность за то что она сделала.

– Рита, как ты думаешь? – спросила она после некоторого раздумья – Туда куда мы попадем, мы будем иметь хоть мизеринку свободы? ... Я хочу написать и отправить письмо.

– Моя весточка так далеко, до Индии ни за что не дойдет... Мальвази, заклинаю тебя не делай этого! Ничем тебе это уже не поможет, только навредит. Отнимут последнюю свободу что оставалась, будешь целыми днями находиться в одном месте, ни куда не выходя.

– Рита, милая, я знаю как и что мне делать, поверь мне.

– Что ты можешь сделать, кому ты напишешь, скажи мне?

– В испанское посольство. Поверь мне мое письмо дойдет или до рук короля, или до ушей, но последнее это уж точно.

– Мальву-ази! – от протяжного тона разочарования у Риты забавно получилось произнести ее имя на французский лад, – Зачем испанскому королю, пусть даже он и француз, беспокоиться судьбой итальянки, когда это должен делать итальянский король?

Хотевшая ей много что сказать Мальвази вместо слов, вдруг рассмеялась.

– Рита, ты ничего не понимаешь, нет никакого итальянского короля. Мой король – испанский. Мой дядя его враг. Возможно скоро война в Испании кончиться, потому что австрийцев уже выбивают из Каталонии. После, у короля появиться возможность навести порядок

в остальных землях, и он наведет и разберется с моим преступным дядей, посмевающим меня продать мусульманам!

...А я даже поняла почему мой дядя захотел от ...меня отделаться, – смекнула она, – Над ним может встать более сильная власть, и я могла высудить у него все те земли и деньги, которые он незаконно отнял. Так что я очень нужна властям. Держись за меня, подружка и я тебя тоже выручу!

– Хо-хо! Не досталось бы нам за такие проделки по первое число.

– Сейчас посмотрим кому это достанется, нам или им?

Впереди возникал Омар Мейяд в своём неизменном черном одеянии, на высоком жеребце, в чем-то схожий с дядей. Мальвази почувствовала что, что-то в ней вызывающее, идущее в разрез с требованиями, воспользовавшись особым женским чувством ощущения своей внешности, нашла что не прикрыто лицо. Верным неприветным движением, она заставила плотной шелковой материи спастись. Рита, заметив эти приготовления, выглянула из-за края накрытия, и смело принялась смотреть на «изверга». Омар Мейяд видя такое дело, и не желая с собой играть, резко указал головой во внутрь, желая поговорить с Мальвази. Но та обернулась на Риту.

– Не трусь! – поддержала ее Мальвази, произнеся по-французски, что задело и заставило обратить внимание Омара Мейяда на нее.

Рита все же отвернулась вовнутрь, сохранив гордость тем, что осталась на прежнем месте.

– Может быть вы мне уделите внимание..., и не будете делать вид что не замечаете меня? – твердо произнес Омар Мейяд, обратив на себя вальяжное внимание сеньоры Мальвази.

– Сеньор Мейяд, я разговариваю с подругой. Вы что не считаете себе за правило: в разговор женщин уважающему себя мужчине должно быть зазорно лезть?...

Мальвази сделала паузу в которой противной стороне наверняка нечего было ответить, затем продолжила:

– Может быть наши мужчины не боятся есть свиней, но зато очень боятся свиноею окатиться.

– Но мясо свиньи, жрущей дерьмо утробы и нечистоты, дает в них о себе знать. Презренные юбочники и подкаблучники!

– Да-а! – подтвердила Мальвази, преисполненная женской гордости.

– Нет ведь, что бы скрывать под паранджой бесстыдный очаг своей страсти они раскрытым выставляют его себе на показ!

– Перед развратниками чего скрываться?

– Однако же я заметил что при моем приближении, вы спустили полог своей европейской паранджи. Не усердствуйте больно, в горах у нас женщинам разрешается открыть лицо.

– Спасибо за ненужные знания, но я ношу вуаль не как паранджу! Просто я спасаюсь от солнца!

– Наоборот загорай. Я смугленьких люблю, – с волнительной дрожью в голосе рыкнул утробным голосом Омар Мейяд и не желая получить что-то в том же духе напрашивавшееся в ответ, стегнул своего жеребца.

– Нахал! – только-то и послала ему вслед Мальвази. Проводив взглядом, с пылом обернулась рассказывать Рите как она его отделала. А вокруг в небесной выси парили ягнятники, стервятники. Черные грифы и каменные куропатки садились наземь. К травостойным пейзажам с редко встречающимися деревьями, прогалинами солончаков, прибавились агавы-растения высотой в человеческий рост, с острыми похожими на мечи узкими листьями.

Ближе к горам участились отроги, и местность все чаще приобретала неровный взрыленный вид, горы показали своим голым видом складчатые слои красной глины с базальтом. Иной раз сходящиеся со всех сторон отроги так обступали путь, что казалось пути дальше

не будет, но, еле проглядывающаяся дорога выводила далее вперед. Длинный караван рысцей очень скоро продвигался через горную область.

ханум

Остановившись только темной ночью, неподалеку от Афлу, при белом свете большой южной луны, наскоро устроили стоянку.

Никогда еще за дневной переход не проделывали такой большой путь. Мальвази устала смертельно, что объяснялось тем, что она почти всю поездку провела верхом и в разговорах. Под конец, слезая с седла, ей чуть не пришлось поплатиться, когда бессильные ноги вдруг отказались слушаться. Кое-как наладив походку, она призвала Риту идти вместе с ней в ее шатер, который был поставлен тут же. Обе девушки за сегодня настолько разболтались и осмелели, что грозному арабу по прошествии определенного времени, за которое он так и не дождался чего хотел, пришлось самому отправляться за желанным.

Спокойно войдя на вторую половину двойного шатра Омар Мейяд сказал Рите идти за ним. Обе девушки занимались приготовлением на ночь, и за этим делом Рита растерянно робея смогла все-же-таки невызывающе отвернуться, взглядом ища поддержки у подруги. На арену выступила Мальвази, презрительно глядя ему в глаза.

– Бесстыдный очаг своей страсти – напомнила она прежние слова. Омару Мейяду и хотелось ответить сильной скабрзностью, но слишком он для этого устал, что бы продолжать.

– Ну что с того что сказал? Что мне из-за этого делать?

– Заниматься онанизмом! – буквально прибила она его.

Эта женщина – настоящий шайтан! Никогда ему не было перед женщинами так неловко и стеснительно перед превосходящей проворностью, он даже и представить себе не мог что ни за что может быть так невмочь. Бессильно отступившись от одной цыкнул другой.

Та на него внимание обратила, но настолько надменное, и к тому же к ней подступилась вторая – не драться же с ними было в самом деле? Сейчас он был явно не в духе, лучше было прийти потом.

Прокравшись тихо когда они уже начали засыпать, Омар Мейяд ловко подхватил полусонную индианку и не думавшую сопротивляться на его руках.

– Ты моя Ханум. – с нежностью произнес Омар Мейяд и ненасытно произнес в сторону Мальвази:

– Я жду вашего малейшего желания, сеньора!

Они полночи спать не давали! За толстым пологом нарочно почти рядом, девушка так невыдержанно в голос стонала, и так это было здорово, что такое есть, что у Мальвази, признавшейся себе, шевельнулись желанные чувства, с равнодушием как к личности, но со страстью как к мужчине, решаясь и принять его предложение, и раздеваясь догола сидя перед толстокожанным пологом, не обладала только лезвием, что бы резануть и быть там в этом...

* * *

Ввиду утреннего благодушия повелителя, нежившегося на мягком теле индианки, сбор и выступление состоялось намного позднее, чем обычно. Но еще до этого главный распорядитель Омара Мейяда по каравану послал в неподалеку лежащее селение на закупку бюрдюков, а заодно найти проводника в Бешар, что преследовало собой иную цель нежели идти вдоль хребтов с той лишь разницей что за другим проводником. Проводника нашли не без помощи некоторых других людей, и Омару Мейяду похвалившего слугу за сообразительность не было даже жаль заплатить несколько монет для надежности.

Утром по пробуждении Мальвази ждало раскаяние, она очень стыдилась своей наготы, что даже не стала принимать полное омовение, скорее одевшись. Поговорить с Ритой не было возможно так как с ней в крытой повозке ехал Омар Мейяд, по всей видимости продолжая

заниматься тем же что и прежде... Ее это не интересовало, она хотела отвлечься и найти покой в езде.

Посреди гор, высоких и почти сплошь голых от леса, караван двигался по пути хорошо исхоженному и наиболее легкому в преодолении. Редко дорога взбиралась резко вверх или спадала вниз, захватывая дух от высоты. Сохранись у ней прежнее подавленное настроение, Мальвази без колебаний бросилась бы в одну из пропастей на лошади, но теперь она была слишком равнодушна ко всему, и даже к своей жизни, ее лишь заволновало то, какое ее гибель произведет удручающее впечатление на Риту. К тому же проезжая по краю дороги, за коим шел крутой спуск и обрыв, она почувствовала что ее лошадь отвернута в середину дороги, а от края ее отгеснил конник на серой лошади.

К середине дня горы стали проходить, оставаясь позади и выше, а отроги отстраняться, расчищая путь, пока наконец не открыли ровное необозримое пространство. Они выезжали на живую цветущую равнину находясь еще посреди гор. Заметно ощущался спуск и это очень влияло на ходку. Обогнув правый отрог, вышли на глубокую незаметную реку, сбегавшую с гор и ухидившую до самых песков, где и пропадала. Им оставалось двигаться вдоль ее русла.

Весна в самой силе ощущалась даже в воздухе, вдыхавшемся напоенной ароматами теплыней. В этой прелести можно бы было по-настоящему забыться, если б не темные силуэты всадников, если б не знать что скоро это все кончиться, заменяясь неизвестно чем? Одно это могло очернить внутреннее состояние на все время пути, но оставалось уповать на благосклонность судьбы.

С выходом на равнину, под предлогом этого, Мальвази через Риту заставили надеть чадру, легкую, прозрачную, сплетенную из конского волоса и шелка, но чуждую по одеянию. Еще эта чадра ей напоминала о скрытой угрозе – без нее не будет лошади.

Тянулись однообразные, но всегда разные виды равнины с отарами овец, прочими стадами скота, стайками диких газелей и прочей неприметной живности за исключением пожалуй что только льва, и издали дававшим сильное впечатление.

Чем дальше на юг, тем чаще, неожиданно, как из-под земли вставали группки взлохмаченных, как будто чем-то недовольных кактусов. Может быть потому что растительный покров редел, давая суглинистые прогалины, а пришельцам с Нового Света нравилась этакая почва.

Каждый новый день прибавлял все больше примет приближающейся пустоши, редела трава, становилось суше и жарче. Последнее особенно удручающее обстоятельство заставляло Мальвази все чаще проводить время под накрытием. И ей становилось жаль оставленного позади, когда еще можно было не думать о приближении чего-то неведомо ужасного и тягостного. Она считала что впереди в песках и лежит Марокко, отчего все усиливавшаяся жара олицетворялась с ждущей ее жизнью.

Наконец наступил такой момент когда Мальвази выглянула из-за полога и увидела неподалеку впереди медно-красные дюны, с которыми начиналась собственно песчаная настоящая пустыня Сахара с нетвердой зыбучей поверхностью, и редкой на растительность. Проходили последний отрезок пути, который еще можно было считать прежней степью, или если учесть насколько исчахла и поредела поверхность показывавшая обнаженные, но еще твердые участки – то и полупустыней это еще можно было назвать, но еще не пустыней, от одного предчувствия которой, Мальвази охватило тяжестное ощущение перехода из одного в другое – безвозвратно. Последние повороты колеса по рыхлой, но еще скрепленной истоптанными травами почве, после которой мягкое проваливание в песчаник... Верблюдица потащила повозку в зыбкое пространство, вызывая в Мальвази мрачную тревогу, от которой ей хотелось отрешиться, найти хоть где-нибудь успокоение. Отвернувшись и задернув полог, она упала на подушки, уткнувшись лицом и вместо того что бы расплакаться, как ей хотелось, незаметно для самой себя и быть может от упадка сил уснула...

Проснулась от тишины прекратившейся езды, характерной скрипом и гроыханьем самых различных частей повозки. Впечатление от хорошего отдыха было такое: как будто она проспала неизвестно сколь много времени, но долго, с захватом ночи, во время которой осталось ощущение она просыпалась, и тут же быстро уснула. Недаром на ней поверх лежало одеяло, согревавшее холодной ночью.

Мальвази привела себя в порядок и выглянула из-за одернутого полога. . . Высокие стволы пальм давали тень, в тени которой из-под приземистого камня бил родник, . . . собственно возле которого и возник типичный крохотный оазис в несколько финиковых пальм, под тенью которых возделывается еще два яруса, самый нижний на земле, а над ним различные плодоносящие деревца. Оба эти яруса пользуются одной и той же водой для полива, обильно идущей на полив пальм. В народе про финиковую пальбу говорят: «Королева пустыни» – она держит голову в огне, а ноги в воде». Финиковая пальба главный источник существования земледельцев таких небольших оазисов, она – дерево жизни дающее тень, строительный материал и конечно же финики – хлеб и деньги пустыни, которыми зачастую пользуются при купле продаже. Спелые сочные плоды дают пальмовое вино, финиковый мед, представляющий из себя густой сироп. Вяленые финики, могущие сохраняться в течении нескольких лет и называются собственно «хлебом пустыни».

Светлая тень даваемая кроной пальбы позволяет не сгореть на солнце нижнему ярусу, обыкновенно погибающему после сильной песчаной бури. В этом оазисе вся молодая поросль бахчи погибла вмиг как только караван остановился – под копытами и в зубах жаждавшей тягловой скотины. Новую тут же насадят и она наростёт. Благо для земледельца ему было заплачено за ущерб и за воду, пошедшую на водопой скоту. Найдя у хозяина клочка жизни гору кожаных мешков – бурдюков для воды, коими тот промышлял и по-видимому не плохо, без разговоров купил все что имелось. Колодец, который скапливал стекавшую из источника воду был опустошен на эти бурдюки. Алжирские воины отдохнули и поели в тени.

Мальвази в обмякшем послесонном состоянии украдкой смотрела на пугавших ее своей темнотой и чуждостью воинов, и внутренне содрогалась от мысли столкнуться с этим, затаенно радовалась тому что ее ждет не это, а самая роскошь восточной жизни, изысканность и сила могущественного мужчины. Она внутренне содрогнулась и покорила мысли. Подняв подол платья и опустив взгляд посмотрела. . .

Это только и ждало ее впереди неизбежно. Позади же оставленное не так и жаль, потому что главное было не там, а где-то между. Может так даже и лучше что жизнь насильно решила за нее окунуться в это, сама бы она ни за что бы не стала. . . хоть всю жизнь лучше оставаясь в неопределенном положении, чем изменить идеалу. Что ж раз Создатель решил что ей лучше будет так, она поняла что как хотелось бы уже не может быть. . . А будет только когда-то . . . по воскресении душ. Значит она согласна со своим предназначением, которому безразлично предастся, отдаст все что от нее все хотят и может ее тело, тоже требующее того же, быстрее прожечь молодость, жизнь, молясь втайне, внутри себя, только своему Создателю, внешне только делая вид, что молясь как заставляют. И это даже становится хорошо что . . . много жен у султана или его сановника, легче будет забыться, быть с самой собой. И хорошо даже что она выбрала этот путь, вырвавшись от Амэндралехо. . . Иначе и он бы с ней не ушел. Совсем теперь стало не жаль того, никуда бы они не смогли убежать в этой чуждой стране, только он бы погиб.

. . . Он конечно очень хороший, почти такой же, но вот именно это, оставаться один на один наедине с этой небольшой даже разницей представлялось невозможным. Лучше с таким другим вульгарным советелем своего, лучше с разными несколькими, представлялось ей предательством меньшим, простой безличной вынужденностью, чем с почти таким же хорошим и ловким, с которым отношения пошли завязываться невольно, в какой-то суррогативной хотя бы потребности, но чтобы хоть немножко было того. Теперь все – разрыв, как и со многим другим, со всей прежней жизнью, которая вышла на последнюю дорогу, и все в ней стало

видно до самого завершения. И она уже не та, что была прежде. У нее от всего прежнего осталось только соблазнительное юное еще тело, на которое она продолжала смотреть как на единственно дорогое, что у нее еще осталось в этой жизни... и она бережливо от чужого неожиданного взгляда закрыла наготу. Все-таки у нее были ее родители, пусть не на земле, но в какой-то духовной обители они были ее родными, и Франсуа ее там дожидался... А здесь оставалось только дать бой всяким домогающимся, они у нее попляшут!

день и ночь

Безмолвная Сахара живет своей жизнью, своими тайнами и загадками. На гребне песчаной волны вдруг появляется юркая ящерица, замирает, будто к чему-то прислушивается, затем так же неслышно, как и появилась, исчезает, скорее всего врываясь в песок. Неповоротливых, опасных на вид варанов и гекконов можно заметить где угодно рыскающих за добычей. По волнистому склону бархана извиваясь спиралью сползает ядовитая змея, пользуясь особым способом ползанья – касаясь только гребешков, надутой ветром, рифленой поверхности и то на очень короткое время то бы не обжечься о раскаленный песок. А кругом кажется ничего живого, только бесконечные дюны под огненно палящим солнцем, но то тут, то там, можно заметить следы пробежавшего тушканчика, пучки травы. Пустыня живет своей жизнью. Здесь говорят: «на севере семь тучек – здесь одна» – и та проходит, потому что дождей не бывает годами. Единственное как влага сходит наземь: проявляется в виде утренней росы – как результат холодных ночей, отдающих влагу из воздуха. Но самое главное что удерживает остатки полумертвой, одревенелой растительности – это глубоко уходящие в землю к влаге корни.

Обманчиво спокойствие в пустыни, на самом деле от любого ветерка происходят изменения и подчас значительные. Как бывает за одним слоем песка, поехавшим вниз соскальзывает еще и еще новые слои, и так пока не захватиться верхушка бархана. Бархан перекочевал. Барханы-кочующие под воздействием ветров, холмы пустыни, состоящие из чистого песка, обычно красновато-бурого или золотисто-желтого цвета, а так же многих других оттенков.

Барханы и дюны, постоянно кочующие по бескрайнему песчаному океану, своеобразно похожи на замедленные волны. Но не все в пустыне приходится на пески. Так же очень большие пространства в Сахаре приходится на покрытую крупными обломками камня и щебня поверхность называемую хамада, или если пустыня сплошь усыпана галькой – серир.

Стоило только кончиться мягкому эргу, а каменистой хамаде начаться, как езда в повозке превратилась для Мальвази во что-то невообразимое. Она поскорее постаралась облачиться в необходимое и сесть в седло своей лошади.

Как предчувствуя это, тут как тут возле нее оказался незабвенный Омар Мейяд.

– Сеньор Мейяд, вы что нарочно выехали на камни что бы выкурить меня из моего убежища?

– Ваше сердце подсказало вам правильно. У меня сегодня с самого утра нутро горит по вам и я думаю о вас.

Мальвази пользуясь тем что никто в мире не может сейчас увидеть под паранджой показала нахалу язык.

– Только сеньор Омар! Я вас предупреждаю вы меня уже изнасиловали своими похотливыми желаниями!

И вдруг!! Приоткрыв паранджу...

– Ой вы непонятливый! Пока песок на зубах скрепит, не буду! Я у вас! Сосать!!! Хорошо все понял? – неожиданно для самой себя смелым высоким звонким голосом выпалила она.

Слабой стороной Омара Мейяда оказалось слышать подобное на слуху, и согнувшись он чуть натурально не вывалился из седла.

Если вы и впредь собираетесь заниматься со мной устной эротикой – я удаляюсь!

– Нет!... Остаься! ... Я покажу тебе удивительную находку, которая тебя заинтересует. Это заинтересовало любую бы женщину. – говорил он уже об отвлеченном, а сам продолжал задыхаться по прошлому, ею сказанному.

– Не понимаю что на этой пустоши можно найти такого? Тем более что бы это могло заинтересовать женщину?

Омар Мейяд хлопнул в ладоши, оборачиваясь назад, подал знак рукой приблизится, и снова взглянул на нее.

– Вы никогда не слышали о «розах пустыни»?

– Сейчас вынуждена буду слушать от одного вруна по имени Омар. Ну-ну, давайте заливайте, что вы там могли найти в этой жгучей пыли? Наверное это что-то сохлое и вздорное, что только кочевники могут называть розой, потому что им нечего больше дарить своим женщинам.

– О, нет! Такой женщине как вы я ни за что бы не решился преподнести даже просто розу, если бы эта роза не была удивительной. В нашей пустыне не так уж все мертво, что топчет ваша лошадь. Это настоящее волшебство что в выжженной земле может расцвести цветок волшебной красоты, с лепестками самых различных цветов. Если белого то намного белее снега, эмалевого оттенка. Темно-фиолетовые, бурые, карминные, бордовые, пурпурные – видеть бы вам собранную из роз пустыни оранжерею во дворце султана. Та же роза которую я подношу вам совершеннейшая редкость «роза за гипсов». Взгляните на чудо...

Омар Мейяд обернулся к слуге ожидавшего его с розой и на свое удивление увидел в нем своего главного распорядителя Варлафа. Значит есть новости... Он взял из его рук в свои, укутанный в темные зеленые листья цветок на деревянистом черенке с шипами. Развернув цветок от листов Омар Мейяд протянул розу восхищенной Мальвази, и пока та разглядывала ее, не спуская с нее глаз, повернул свое ухо на Варлафа.

– Господин. Караванщики мне очень подозрительны. Как можно объяснить коня взятого ими в пустыню?

– Так же как и мы взяли.

– Через всю великую пустыню никакой дурак, умоляю простить меня за это слово, коней еще не водил. И конь у меня вызывает сильные подозрения, я видел его раньше, мой глаз наметанный. Хной коня мне не изменишь. Да и то сказать конь-то не видно по нему что бы через всю пустыню поперек прошел, больно он упитан...

В это время заговорила женщина и Омар Мейяд совершенно перестал обращать внимание на то, что Варлаф ему говорил. Затем улучив момент обернулся к нему:

– Прикажи что бы немедленно сплели корзинку для розы

– Господин что делать с теми людьми?

– Катиться вместе с ними к шайтану!

Омар Мейяд совершенно пропустив из ушей то, о чем говорил ему Варлаф, принялся продолжать беседу с итальянкой, стараясь легко вывести оную на трогательный эротический лад.

Варлаф с хмурой старческой задумчивостью приостановил коня повернул в сторону на другую сторону от повозок и поскакал в хвост караванной процессии отдавать приказание сплести или найти корзинку, но главным образом за тем чтобы разобраться со свалившейся на его старую голову напастью: двух погонщиков трех верблюдов с одним конем, кажущиеся импровизированными и подозрительными.

Их кучка, замеченная в подозрительный прибор, неизвестно почему стояла на одном месте. После они объяснили свое поведение тем что заметили большой караван раньше и решали как поступить? Пока они пребывали в такой нерешительности Омар Мейяд послал за ними погоню, которая быстро настигла их и привела. Необходимо было разузнать кто они такие и не шли ли они в такие места, где могли рассказать о том, кого и где видели? Приведенные оказались ливийцами и шли они со знаменитой сахарской солью, то бишь с того края пустыни, от Великой реки в этот край, в Марокко. С наличием соли у них было в порядке тонконатесанные пласты ее, оцениваемые обычно на вес серебра, а то и золота, завернутые и подвешенные в материи пребывали на боках верблюдов покрытые еще тюками. Тюки ничего тяжелого

из себя не представляли. На Варлафа легла забота распорядиться с этими подозрительными людьми и он решил взять их пока под надзором с собой, предварительно обезоружив.

Господин Омар Мейяд из-за женщины вовсе голову потерял; в воздухе начинает твориться неладное, вокруг как почуяв появились какие-то люди, ему же нужна корзинка! Мало того оставил людей выкапывать и выдергивать корни растения. Варлаф еще подумал что с корзинкой нужно будет появиться своевременно, когда погода даст знать, что бы не попасть под гнев.

В это же время Омар Мейяд домогался до цели своих желаний самым откровенным образом, одновременно пустив коня так близко к ней, что касался Мальвази коленом и голенью. Девушка старалась отстраниться, но выслушивая пошлейшие притязания, постоянно заставлявшие ее думать об этом, она вместо того что бы дергать правой ручкой за повод, левой слабо отстраняла его ногу. Ей нравилось играть с этим сильным грозным мужчиной в то, что он трогательно ее упрасивал, часто произнося это поддевное слово, выражающее для нее делать в себя, к чему она склонялась и только паранджа, люди вокруг, и сама игра в эротику, желание продолжать, защищали Мальвази, не давая пасть низко. Так женщины делают и добиваются что хотят. И так доигрываются до определенного завершения, приводимого природой женской. В один прекрасный миг Мальвази почувствовала что доигралась.

– Мальвази... – задыхался Омар, – Сегодня ночью ты у меня... будешь... первый раз в жизни!...

– Не-а!... Ни за что на свете!... Этому не бывать!! Немедленно забудьте об этом!!! – звонко накричала она на него, стараясь как можно более непреклонно, но получалось согласно. Даже сама в себе она чувствовала что будет, нет ни каких внутренних сил этому сопротивляться, хоть внешне. Нет со смешком, и невозможие без содрогания думать об этом, хорошо еще получалось легко улыбаться, а то же его могло повести и при всех залезть с ней в повозку, как с Ритой. Она уже не была против того, но все-таки лучше было наслаждаться своей желанностью наяву.

– Сегодня весь день я непереставая буду думать об этом... Ты как миленькая выполнишь все что я надумаю.

– Все то что вы надумаете вам придется сделать Рите!

– Она не одаренная девица. Молчунья. Только у той что язычок хорошо подвешен, он хорошо и работает.

– Омар. Мой язычок достаточно искусен что бы избежать непрошенной встречи с вашим зачатником!

– Не сможет он ни избежать, ни даже извернуться от встречи. Я его хоть где достану, главное это все дело держать в своих руках! – рявкнул он.

– Ошибаетесь! В мире есть много еще хитростей, которых вы не везете вашему султану. И не везите, иначе за некоторые вас просто кастрируют!... У меня есть такое приспособление, что я могу крепко накрепко запереться язычком за створками зубов. Потом, я буду смеяться над вами и вы увидите что мои передние зубы и сверху, и снизу затянута в тоненькую щелочку из крепчайшего металла, а внутри замок, который можно открыть только язычком... Только Омар, я надеюсь у вас хватит мужского великодушия признать себя проигравшим, и вы не пойдете на то, чтобы пытаться ломать и причинять мне боль?...

– Я пойду в сторону – за щечку! И после того как я «схожу» и на право и на лево, я пойду вниз. Интересно какие лабиринты вы приготовите для вашей мягонькой попочки с влагищем, что бы вашему позору не состояться?

Мальвази тонко посмеивалась, но на последнее нравоучительно повысила голос:

– Сеньор Мейяд это естественность, это природа, а не позор!

– Любая подчиненность в том числе и половая есть унижение – ведь так, а значит и надругательство.

– Вы мужлан!
– Хорошо! Пусть будет торжество! Как там в книжках пишут: торжество мужского тела над женским... Она отдалась ему всем...

– Ну начитан!

– Нет что бы как есть писали: была выдрана во все! – во все что можно и нельзя!

– А не видите ли соизволила отдаться всем!

– Омар?!

– Этой ночью будет тебе Омар!

И ты пощады не проси

И на луну не голоси!...

...Сгораю хочу ночи с тобой! Мальвази скорей бы ночь пришла, я тебя занасилую! Ты ни сесть ни лечь на задницу не сможешь! После-то тебе особой разницы не будет торжествовали над тобой или ебали, брать в рот или только защеку!

– Речист...! Вот только замечено за такими речистыми, часто они лишь на слова удалыцы. А коснется дела, с ними можно будет поладить. Если я вам предложу удовольствие намного превосходящее по силе оргазм, потому что оргазм всего минута, а то удовольствие будет долгим – вы оставите меня в покое?

– Милочка, удовольствия большего чем оргазм быть не может.

– Согласна с вами, спорить не буду, я не о том.

– О чем тогда вообще можно говорить, как не об этом? Что может быть удовольствием большим чем оргазм? Что может быть удовольственнее чем шестнадцать или даже двадцать оргазмов, которые вы мне доставите за эту ночь?.

– О-оо! – оделила вниманием сказанное и тонко рассмешилась, – Шестнадцать или даже двадцать минут, это всего шестнадцать или двадцать минут. Я говорю об оргазме длиной в день, даже в несколько дней!

– А-аа! – издал гортанный звук Омар Мейяд недоуменно возришись на...

– Женщина, что ты говоришь!!! – вскричал он восторженно для самого себя кажется видя личико сумасводницы через край паранджи, за который она сейчас закрылась, так как почувствовала в себе что от возбуждения не может даже улыбнуться. – Оргазм чувствовать целыми днями?! – Лучше всяких женщин будет! Тогда конечно ты сможешь спать спокойно. Но если...

– Вот вы как легко отказались от того чем грозились!

– Но если это окажется химерой, тогда в наказание я заставлю тебя заняться моим задом!
Ха-ха-а-а!

Мальвази, резко одернув край паранджи, с гримаской шикая высунула язык. Оставила улыбочивое личико наполовину незакрытым.

– Ну, что ж за свои охальности ты достоин сильнейшего наказания!

– А-а-а!

– Нужно маленькое золотое колечко. Нет колечко не подойдет... Звено от цепочки. Хорошо подойдут шары. Желательно золотые, можно серебряные. Затем надрочите свой зачатник в положение стоя, возьмите шарик и засуньте глубоко в отверстие головки. Потом костяной палочкой запихните шарик в самую глубь не знаю куда у вас там? Когда почувствуете что дальше некуда, пихайте второй шар. Сможешь шестнадцать – хорошо, двадцать еще лучше. И вечное блаженство!

– Я понимаю в чем кроется наказание – сделать запор моему мужскому достоинству, Хитрая лиса – твое место под задом!

– Не-е-е-т! – запротестовала Мальвази. – Испробуй сначала, потом суди. Эти шарики можно легко будет выкатить обратно рукой. – Я знаю можно даже заливать парафин... А-а, трус! Что с тобой говорить. – отвернулась она.

- Я не трус, но я боюсь! Ну их к шайтану такие блаженства. Такая в самом деле накажет.
- Нет, ничего ты не понимаешь! Плохого ничего не будет. Просто ты с женщинами обниматься только сможешь и дальше никуда не полезешь.
- И откуда это у тебя только?
- Я такое знаю! Держись! – сделала она движение обоими руками назад, – Ну же решайся, будешь делать, а то мне на тебя противно смотреть становиться.
- Ах ты зараза! Я тебе решусь! Сама мне все как надо и сделаешь.
- Найди шарики...
- И сама, и найдешь
- У-у вредина! – задернула край паранджи Мальвази которую не устраивала перспектива возиться с его членом; затем немного погода:
 - ... Как душно, еще не лето... а так знойно.
 - Ночи вам будут казаться куда как жарче, са...
 - Перестаньте, вы Опять за свое!? Лучше расскажите мне что-нибудь!
 - О жаре?
 - Становиться невозможно!! Мне противно уже!!
 - Нет почему же, я вполне серьезно, ведь в пустыне жара, как на море ветра. Эта самая обильная тема для разговора. Жара это в пустыне все. Это если хотите весь мир волшебства и суеверий пустынной местности. Вы когда-нибудь слышали о миражах?
 - ...? – многозначительным ласковым взглядом ничего не ответила она.
 - Может быть нам за время наших странствий придется увидеть это чудо. На горизонте могут возникнуть зеленые оазисы, может даже совсем вблизи разлиться озеро, или возникнуть город, бывает так что караваны с неопытным проводником считают что они сбились с пути и идут на видение, идут часами, даже днями и из-за этого погибают. А мираж это не более чем видение оазиса или города, который находится за сотни, может быть тысячи миль от этих мест, или может быть никакого города там уже не существует уже несколько веков, а видение его еще приходит.
- Болтун.
- Смотрите-ка какая установилась тишь, и я кажется вижу туман поднимается. В пустыне свой собственный туман из пыли. Мы выбрались из песков и нам это бедствие не грозит. А вот тем кто в него попал не видно не зги по несколько дней. Тогда даже животные перестают пугаться человеками часто за караваном идут стайкой газели.
- Сеньор Мейяд я хочу что бы мы зашли в оазис и там я хочу попить холодной воды с финиками.
- Что вы, что вы, вам разве не известен закон пустыни: финики срывать нельзя пока вожди и старейшины племен не разрешат.
- Какой-то вздор. Идиотизм!
- Но вы мне так нравитесь что для вас я любые законы нарушу.
- Тьфи-и...!
- Мальвази сегодня вечером я буду есть у вас. Примите омовение заблаговременно.
- Не понимаю о чем вы? – проговорила она натужно, как будто к концу произносимого недоумения поняв и вспыхнув.
- Ты все поймешь и узнаешь сама.
- Как вы даже подсказывать не будете? – до крайности возбужденным голосом лепетала она – мне нужно вымыться что бы песок на зубах не скрипел?... Вы наверное дадите мне кушать что-то особенное? Да-а?...
- Это был самый Олимп эротики, дальше которого подняться выше было некуда, возможно было только сходить вниз. И ему захотелось идти на это и она заворачивала лошадь к пологу повозки, одновременно отгиная край паранджи и умильным взглядом зовя за собой... Как

вдруг все оборвалось!... Рядом возник Варлаф с давно забытой, ненужной, мешающей корзиной для розы, и Омар Мейяд чувствуя как страстное желание, уже готовое было удовлетвориться, вместе с испугом Мальвази и поспешным прятаньем лица – заменяется на собственный тихий остервенелый гнев, повернулся сказать Варлафу что бы тот покинул караван и больше близко не появлялся. За такую досаду нужно было «не известно что» с ним сделать! Гневу не было удержу – покинуть караван без всякой воды, чтобы наверняка погибнуть!..

Предчувствуя недоброе в ситуации по отношению к себе, Варлаф чутьем подвластного быстро и единственно удачно нашел язык, на котором нужно было говорить, и тон с позиции старческого висока:

– Сын мой! Девочка отсосет в другой раз, сейчас не время этим заниматься! Опомнись, оглядись, прислушайся! Пески поют!!

Переднюю головную часть каравана Варлаф уже остановил, и стоило Омару Мейяду остановиться, как почти сразу создалась относительная тишина к которой можно было прислушаться, и действительно были слышны какие-то чарующие, высокие певучие звуки, с сильным металлическим оттенком, создающиеся тоннами перемещающегося песка... То веселые, то грустные, то резкие и крикливые, то нежные и мелодичные, кажушиеся говором живых существ, в мертвой пустыни, запевшей не к добру.

Вдруг звуки резко оборвались... по прежнему безмолвие. Но в этом затишье чувствовалось приближение чего-то ужасного. Один Омар Мейяд не чувствовал, видя что Мальвази испугавшись громкого голоса и устыдившись чужого присутствия, попыталась незаметно скрыться, накрепко затянув пологом входной проем.

– Варлаф! Уйди с глаз моих, так плохо мне еще никто не делал.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин – с поклоном отвечал слуга, – Да упаси нас Великий Аллах от того что бы Вам потом не сказать обратное. Послушайте совета старика, отдайте ему распорядиться что делать. Сейчас быть может стоит вопрос жизни и смерти, кто знает что будет? Кто знает сколько времени нам придется пережить самум? От верности приказаания может зависит жизнь всего каравана и ваша жизнь, а вы сейчас потеряны, вы не понимаете и не знаете что делать?

– ...Тогда командуй, Варлаф! И чтобы я тебя больше не видел!

Старый Варлаф повернул коня и настигнув ближайших в цепи, громко крикнул поворачивать вправо и слишком не разбиваясь поспешить к уэду,⁸ в котором и укрыться от предстоящего.

Распоряжение тут же разнеслось в оба конца каравана, который тут же расстроился и распался на более быстрые и медленные части. Последние были представлены крытыми повозками, прыгавшими по камням. С последними и можно было видеть Омара Мейяда, самолично ведущего и погонявшего верблюдицу повозки Мальвази, а так же присматривавшего за своей повозкой с Ритой.

Варлаф видел в подзорный прибор, что уже не так далеко, и посему не боялся, что они могут не успеть до того момента, когда видимость вокруг померкнет, разрозненные разбившиеся кучки людей потеряют друг друга из вида, собьются с направления и попадут в бедственное положение, чреватое гибелью. Но Варлаф нарочно не стал делать упорядочения, и верно, что бы до крайности встревожить Омара Мейяда, обелив тем самым себя в его глазах.

Однако когда по макушкам и по склонам дюн и в прочих местах, заплясали песчаные ведьмы, сзади нарастало и приближалось, Варлаф не на шутку встревожился и стал охватывать взором все пространство, оценивая ситуацию. Вспомнил что еще остались люди копавшиеся с этой проклятой розой.

⁸ * высохшее русло реки

Вглубь уэда через пологий край стали съезжать на повозках, когда уже порывы сильного ветра резко давали в спину. Ветер ураганов смерчей Сахары... его в буквальном смысле» на своей шкуре» довелось испытать каждому. И предчувствуя это каждый, будь-то помощник или всадник, старался устроиться понадежнее за естественными прикрытиями ложбины уэда, снятыми с боков верблюдов тюками, в них и между ними, и верблюдами, опущенными в лежащее положение, что бы за непрододаваемой мохнатой горой найти защиту. Люди с ужасом взирали как закурились вершины далеких, еще неподвижных огромных барханов. Горизонт померкнул, исчезла прозрачность воздуха. Небо как будто приблизилось к земле. Через несколько минут пыль закрыла солнце и среди красноватой мглы казалось огненно-красным шаром.

Стало мучительно душно, раскаленным воздухом не хотелось дышать. Люди и животные задыхались. Слышался шум, даже рев, со всех сторон, от земли до неба несло нечто колоссальное, готовое поглотить. Порывы ветра достигали необычайной силы и уже полчаса после того как впервые были услышаны звуки поющих песков, караван попал в самое пекло ужаснейшего урагана, могшего продлиться несколько дней, засыпать и выкурить из уэда, иссушить всю воду в бурдюках, спалить людей в жажде. Варлаф думал об этом, но успокаивался при мысли что когда поослабнет можно будет пойти в Гардаю, которую оставили в стороне решив спрямить весенний путь.

Омар Мейяд мучился не столько сам, сколько за Мальвази, которую подверг таким страданиям, крайне для нее не привычным, и посему переносимых ей должно быть особенно тяжело. Переживая мучительно за нее и сохранность ее пострадающего, увянувшего вида, ему казалось он виновник ее страданиям, и винил себя за ураган. Он не мог находиться рядом с ней из этических соображений, но уделил рядом стоящей повозке множество вниманий, что бы находившейся внутри было там как можно лучше. Приказал покрыть тонкоматерчатое накрытие повозки кожами, велел пожилой служанке взять воду, тряпок которые бы могли укутать нежную кожицу тела, приняв жгучие пыльнопесчаные удары на себя, и быть рядом с ней, помогая во всем, но главным образом не давая быть одной, почувствовать себя заброшенной.

Ветер завывал на разные голоса, ревел, гудел, громыхал. Обжигающий горячий порыв облизывал огнем, заставляя казаться что вот-вот вспыхнешь и сгоришь. Рыжее месиво песчаной пыли клубиться, вьется, рассыпается. А когда закрученные в тугие, извивающиеся жгуты горячий песок бьет по лицу и рукам, то кажется что с тебя шкуркой сдирают кожу.

В раскаленном пространстве словно могучее дыхание колоссального зверя пронеслись все усиливающиеся порывы самума.

Тогда казалось сотрясалась сама пустыня, выбрасывая все новые массы песка в неистовый песчаный хаос. Самумы это бури порождаемые великостью Сахары, далеко от себя отбрасывающей свое раскаленное дыхание, называемое в южной Европе сирокко, который бывает настолько силен что даже доносит с собой песок с эргов. Но если за морем самум это только сирокко или дыхание, то в самой пустыне это легкие урагана.

Люди и животные лежали распростерты на надутом песке, накрывшись с головой плащами или будучи накрытыми, заткнув уши и накрепко закрыв глаза. Несмотря ни на какие ухищрения ощущение было такое что песок вдыхался с каждым вздохом, сердце мучительно болело и громко стучало, дыхание все учащалось трещала голова. Внутри все давно пересохло уже до того, что казалось покрыто какой-то коркой или стру皮ями, так что невозможно и нечем было дышать. У многих терялись казалось последние силы, еще немного и страшная смерть от удушья была неизбежна, удушье от того, что все забито песком!

В этом адском кошмаре могла только нечистая сила благоденствовать. И подстать ей на гребень склона уэда с внешней стороны подошли два силуэта – человеческих, но державшихся по нечеловечески твердо и оглядывавшими все внизу, чувствовалось явственно: что открытыми глазами, не мучаясь в прищуриваниях даже, так словно жмени песка не попадали в глаза, проносясь мимо. Однако к человеческому достоинству силуэтов надо было добавить

что телосложения они были самого крепкого, отчего не гнулись от порывов ветра, а так же то, что явились к этому месту, взявшись не откуда-нибудь из-под земли, а из верблюжьих тюков, где до этого времени находились, что было владельцам верблюдов достоверно известно.

Определив по двум повозкам что они на верном месте, двое людей сбежали вниз к цели. Пользуясь тем что на них никто не мог смотреть, они стали осматривать какая из повозок нужна?

В выбранную для большей достоверности заглянули... Мальвази лежала головой уткнувшись меж подушек, распластавшись телом. Светильник освещал слабо, но и этих бликов хватило что бы узнать по ушку, по пучку волос... Задернув полог, смотревший указал второму запрягать верблюдицу. Сие незамедлительно было сделано, но поднялось несчастное животное только после сильных пинков, и вслепую пошло куда его повели за повод. Верблюдица с повозкой с большим трудом супротив ветра взгромоздилась за гребень и пошла куда ее вели... черт знает куда.

Встретились со стоявшим в ожидании двумя верблюдами и двумя погонщиками, которые сразу же после этого полезли в тюки на верблюде дабы найти себе там спасение, зарывшись поглубже. Двое оставшихся тем временем не медлили. Найдя коня по другую сторону от верблюдов, что было не так просто, один посадил другого на круп, и без того увешанный бурдюками и крикнул гнать куда подальше, чем быстрее тем лучше. В этом заключался весь успех предпринимаемого, что бы по любому «дойти» до ночи, наступление которой дело нескольких часов, и пусть даже их заметят на ровном пространстве пустыни, они будут далеко и на изможденных самумом конях их вряд ли нагонят. В ночи же ждало раздолье неведения и невидения, давшее бы еще больший отрыв.

Можно было надеяться что такой мощный ураган продлится до ночи, после чего уже будет не нужен. Стоявший на земле человек подал повод ведущего верблюда сидевшему на коне в руку и что называется отправил. Перед ним прошло оба верблюда, третий заранее привязанный к хвосту второго. За третьим пронеслась повозка, на зад которой залез и крепко уцепился второй человек, не желая залезать вовнутрь, помятуя бывшее... Ему было прекрасно и снаружи, видеть простую езду по земле и чувствовать как радуется сердце.

Хотелось даже что бы ураган усилился и продлился дольше... Но к несчастью самум скоро унесся куда-то в глубину песчаного моря... Не прошло и часа как красновато-багровая пыльная пелена осела и снова открылся голубой горизонт. Жгучее золотое солнце показалось на небосклоне и пустыня опять загорелась яркими красками, которые одни и оживляют ее. Хотя в воздухе и во рту еще чувствовалась мельчайшая пыль, но грудь уже дышала свободно.

Но этот кратковременный ураган не прошел бесследно. Люди устали, вода в бурдюках помутнела, не было сил подняться и замыть последствия прошедшего. Однако люди поднимались и омывались, поили коней. Последнее разрешил с мутной водой Варлаф, так как в десяти милях отсюда находилось сразу два колодца воды.

Омар Мейяд не стал выбираться из своего убежища пока не позрачнел воздух, приводя себя в полный порядок при деятельном участии Риты.

Приближался вечер и Омар Мейяд вышел на посвежевший воздух справиться о самочувствии той, о которой все это время думал... Велико же и тревожно было его изумление, когда на месте, где он хотел видеть повозку итальянки, ничего подобного не обнаружил, ни там, ни вообще где-либо, вокруг... И никого из людей рядом. Последние кого еще можно было заметить при его появлении постарались скрыться с глаз подальше. Прежде чем о чем-то подумать ему не захотелось поверить, что в таком кошмаре могло произойти что-либо не относящееся к этому кошмару – но тогда бы хоть остался разбитый остов повозки или какие-то части... к счастью ничего этого не было, а во все остальное просто не хотелось верить, ведь во время такого урагана казалось всем этот ураган лучше всего и защищает от любых внешних

опасностей. Но повозки и Мальвази не было! ... И виноваты в этом были те, кого он поставил не спускать с нее глаз!

– Все сюда!! – рявкнул он вокруг – Казню каждого второго!

Люди робко стали показываться из мест укрытия, вылезая даже из тюков, привставая из-за крупа верблюда. А сзади из-за гребня довольно крутого склона, в этом месте показалась голова:

– Высокочтимейший, всепрощающий – шайтаны и ведьмы унесли кибитку, сам видел.

– Почему вас не унесли!! Сейчас вы пожалеете об этом!!

Чувствуя что от толпы ничего не добиться, как за спасительную мысль схватился за подозрительный прибор и молниеносно взбежал с ним на гребень, откуда стремглав убежал свидетель шайтанов. На первый раз оглядев горизонт вокруг впопыхах ничего не заметил, но вслед за тем увидел!... Подведя зрительные окуляры еще явственнее заметил удаляющуюся повозку. От радости решив не наказывать виновников, сбежал резко вниз крикнув: – «по коням!» и «в погоню».

Алжирские всадники выступили за Омаром Мейядом почти одновременно, постепенно по ходу погони стянувшись за ним в единую массу. Началась безудержная гонка, когда то что было зноем превратилось в прохладный ветер, а земля проносилась вокруг словно вода в стремнине. За короткие мгновения проносились через то, что на повозке, пусть даже при быстрой езде можно было проехать только за минуту. Поэтому очень скоро, меньше чем через полчаса, можно было сдержать бег изнуренных коней, верблюды и следовавшая за ними повозка была видима.

Узнав своего заклятого врага на заднике повозки Мальвази, Омар Мейяд был польщен тем что она его не пустила к себе, но вместе с тем он боялся и другого... Не желая видеть одно с другим вместе, приказал нескольким всадникам приблизиться к повозке и постараться без единого звука убрать оттуда в сторону всех кого они увидят снаружи. Омар Мейяд не хотел омрачать своего душевного состояния встречей с личностью вызывавшей у него внутренние содрогания и поэтому пустил своего коня в сторону куда завернула повозка.

Оставляя группу посланных всадников с пленными, распластанными по земле Омар Мейяд еще только думал как с ними поступить, когда к нему подбежали за разрешением убить. Такое рвение у подчиненных к своему личному врагу возмутило его до крайности, настроив против подобного исхода.

Но каково же было его удивление услышать:

– Шайтаны они! Глаза у них остекленелые!... Они самум на нас глазами навели! Сами с ветром на кибитку налетели и унесли!... Это видели! А наши люди не виноваты, что они могли поделать!?

– Что случилось?! Почему эти шайтаны дальше с ветром не полетели, засвидетельствовать кто-нибудь может? – усмехнулся Омар Мейяд, но улыбка померкла, и он даже вздрогнул от того что желавший его уверить проворно шлепнулся на колени и с резким жестом по шее.

– Ставлю голову на отсечение – это шайтаны, да идите же сами посмотрите и убедитесь!

Волей-неволей и с некоторым опасливым интересом Омар Мейяд вынужден был подъехать к месту, где держали Амендралехо и Куасси-Ба, стоя на их раскинутых руках ногами... А глаза у обоих пленнх были действительно такие, словно ими сейчас смотрел сам вельзевул. Светясь и блистая на свету зрачки в то же время имели крайне неприятный мутно-остекленелый вид, а веки выпячивались. Этакие-то глаза ответили взглядом на его взгляд, выдавая за собой что-то знакомое.

– Мейяд! Вот мы и встретились! Очень скоро, этого осталось ждать не так долго, после безумнейшей ночной атаки тунищев во главе с самим беём Хусейнидом, вы попадете мне в плен. Поэтому не советую убивать меня. И еще я бы мог много чего рассказать об этой девочке...

– Не желаю слушать о ней никаких сплетен. Что это у вас за маскарад на глазах, уберите людей не пугайте... В цепи их! – жестко приказал он подчиненным на арабском.

Отослав гонца к оставшейся в уэде части каравана с приказанием догнать, Омар Мейяд стал готовиться к волнующей его встрече с той, за которую он так боялся. Сымпровизировав из колонны всадников впереди и верблюдов позади примерно схожую ситуацию с той что была чтобы чувствовать себя уверенней. Он, решившись подъехал к повозке и еще не зная что там, что будет, трепетно отдернул полог...

– Ой уже все? Какой ужас был! Такой парилки я думала не перенесу – махала Мальвази на себя веером, создавая впечатление что она даже ничего не заподозрила, – в какой зной вы меня везете...

...Она ничего не знала! Что за странные отношения между ней и им?

– Крепись ненаглядная моя. В десяти милях отсюда колодцы. Я только для тебя устрою тебе побыть в холодной воде, хочешь?

– О да, очень хочу.

– Я сам лично прослежу что бы воду для вас добыли самую чистую. И прежде чем вы залезете в нее я утолю этой водой жажду. Мальвази хочешь я тебя искупаю?

– Не-а!

– В любом случае я буду обладать твоим омовением. Ведь нужно же будет держать бурдюк с водой куда ты залезешь.

– Фи, в ужасный кожаный мешок я не полезу!

– Прелесть моя, давай тогда искупаемся в колодце.

Мальвази деланно схватилась ручкой за край полога и прежде чем закрыть:

– Купайся вместе со своей Ритой! И смотри не слипнись!...

* * *

Омар Мейяд полыхал в голове и колотился в теле, неся обещанное особое кушанье в пиале... Она ждала его прихода сидя за накрытым ковриком и мягко опустившиеся глаза ее сказали что она думала об этом, относиться к этому насмешливо и с интересом.

– Как вам понравилось купанье? – присел напротив ее Омар Мейяд.

– Оно прошло прекрасно. Мне кажется я никогда не чувствовала своего тела, так прекрасно как сейчас. Благодарю Вас... А это что вы принесли?

– Любимое лакомство восточных женщин – задыхался он протягивая – Рахат-лукум.

– Вы уже так говорили и давали мне пробовать. Это не ново и ни чего особенного в вашем кушанье нет. Вам нужно скорее выбираться из пустыни, оскудели ваши запасы и вы начали повторяться.

– Вы откушайте сначала, а потом говорите.

Мальвази обратила больше внимания на то что держала. Взяв маленькую ложечку, она стала пробовать, заметив лишь разницу что добавились сливки или взбитки чего-либо другого. Она пробовала, ложечкой стараясь взять наиболее разбавленные порции, стараясь определить что бы это могло быть, ведь именно в этом заключалась вся особенность. Найдя наиболее жидкое место, она зачерпнула ложечкой и внимательно посмотрела... напомнило что-то знакомое, взяла пробовать на вкус что бы определить лучше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.